

СКОТТ Р.

ЭКСПЕДИЦИЯ К ЮЖНОМУ
ПОЛЮСУ. 1910—1912 ГГ.

ТОМ 2

ПУТЕШЕСТВИЯ ВОКРУГ СВЕТА

Путешествия вокруг света

Роберт Фалкон Скотт

**Экспедиция к Южному
полюсу. 1910–1912 гг. Том 2**

«Алгоритм»

1910-1912

УДК 82/992
ББК 26.89(4Вл)

Скотт Р.

Экспедиция к Южному полюсу. 1910–1912 гг. Том 2 /
Р. Скотт — «Алгоритм», 1910-1912 — (Путешествия вокруг
света)

ISBN 978-5-486-02670-6

Роберт Фолкон Скотт (1868–1912) – английский полярный исследователь. В 1898 г. возглавил первую национальную экспедицию в Антарктиду. Он не имел ни малейшего полярного опыта, но был настойчив, целеустремлен, честолюбив. Проведя в Антарктиде две зимы, экспедиция вернулась на родину с триумфом. Они открыли полуостров Эдуарда VII, Трансарктические горы, шельфовый ледник Росса, исследовали Землю Виктории. Скотт получил звание капитана 1-го ранга, служил некоторое время помощником начальника военно-морской разведки, командовал линкорами «Викториэс», «Альбемерлен». Но свое будущее он уже навсегда связал с Антарктидой. В конце 1911 г. туда отправилась новая экспедиция под руководством Скотта, главной целью которой было достижение Южного полюса. 18 января 1912 г. ценой нечеловеческих усилий англичане достигли полюса, но при этом оказалось, что норвежская экспедиция Р. Амундсена опередила их на 33 дня. На обратном пути Скотт и четыре его спутника погибли, не дойдя до своего лагеря всего около 20 км. Их тела лежат в толще ледника Антарктиды, а на месте гибели установлен крест с эпитафией: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Во втором томе данного издания публикуется окончание дневника Роберта Скотта, а также поразительные по своей силе и откровенности письма, которые в смертный час коченеющими пальцами он пишет всем своим близким, остающимся жить в мире, где его уже не будет.

УДК 82/992
ББК 26.89(4Вл)

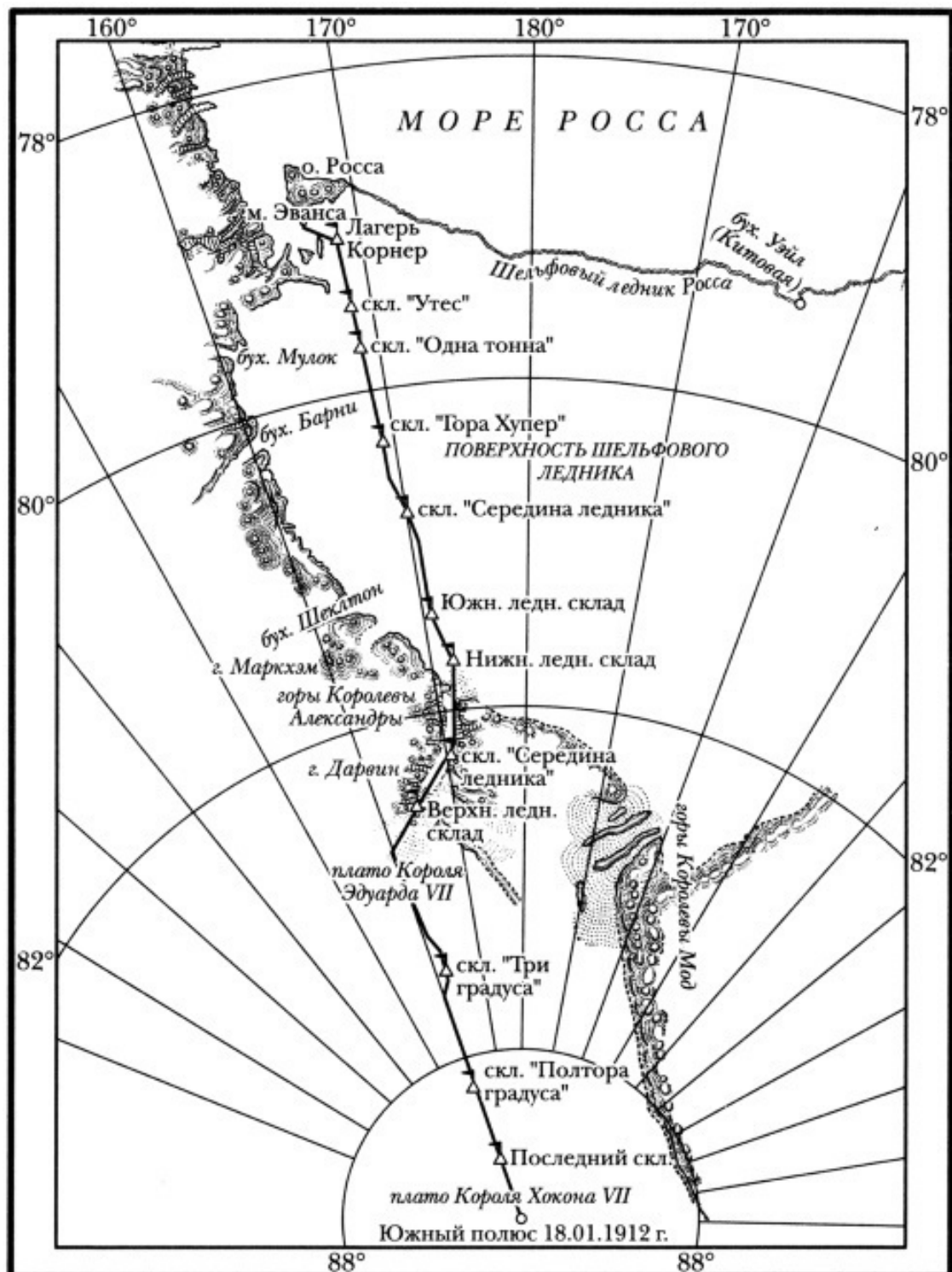
ISBN 978-5-486-02670-6

© Скотт Р., 1910-1912
© Алгоритм, 1910-1912

Содержание

Глава XI	8
Глава XII	22
Глава XIII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Роберт Фолкон Скотт
Экспедиция к Южному полюсу.
1910–1912 гг.: в 2 томах. Том 2
(Дневники капитана Скотта; гл.
XI – XX; Прощальные письма)

Маршрут похода к Южному полюсу Роберта Скотта

Глава XI

Праздник зимнего солнцестояния

Четверг, 1 июня. Всю ночь дул сильный ветер, временами достигая скорости 72 миль в час. Анемометр пять раз обрывался. Температура -13° [-25°C]. И сегодня утром ветер был еще сильный.

Кстати сказать, мы сделали открытие, а именно – эти сильные ветры благоприятно действуют на нашу вентиляцию. Огонь сам по себе хороший вентилятор, способствуя обращению воздуха внутри здания и тяге свежего воздуха снаружи. Недостаток его в том, что он вытягивает внутренний воздух только снизу. Наша система вентиляции осуществляется при помощи нормальной тяги от огня и посредством отверстий, проделанных в дымоходе, через которые вытягивается воздух с более высоких уровней. Эта система, кажется, применяется впервые. Делать отверстия в дымоходе – дело рискованное, потому что при малейшей неисправности в тяге дом может наполниться дымом. У нас этого не случается. В наших печных трубах всегда сильная тяга. Причиной тому – их необычайно большие размеры и высота наружной дымовой трубы.

При ветре тяга значительно усиливается. А при очень сильном ветре она была бы слишком сильна для печей, если бы не облегчалась дополнительными вентиляторами. Поэтому в ветреную погоду тяга автоматически усиливается. Так как сильный ветер обыкновенно сопровождается заметным подъемом температуры, то увеличение тяги происходит как раз тогда, когда без этого внутри дома становилось бы душно. Выгода такой системы в том, что сколько бы ни жило в доме людей, при всем стряпаньи и курении, воздух почти всегда остается приятно теплым, чистым и свежим.

Ничто не совершенно под луной, поэтому я сказал «почти всегда». Исключение бывает в тихую и теплую погоду. Тогда огонь в кухне по утрам туго разгорается. Приходится на время закрывать вентиляторы, и, если в этот момент повар готовит завтрак на сковороде, его намерение не остается для нас тайной. Такая комбинация случается редко и продолжается недолго, потому что, как только огонь разгорится, вентиляторы можно открыть и тяга восстанавливается почти мгновенно.

Наличие всегда свежего воздуха внутри дома весьма важный фактор в вопросе сохранения здоровья его обитателей.

Предоставляю Дрейку сопоставление «настоящих» имен с именами, обозначенными в договорах, полученных нами от школ. Сегодня же я записал клички наших лошадей. Первоначально они получили имена по названиям школ, собравших средства на их покупку, но потом матросы, которые чрезвычайно изобретательны в сочинении кличек, дали им другие имена.

У лошадей такие клички:

Джемс Пигг — Кэохэйна

Боунз — Крина

Майкл — Клиссолда

Снэтчер — Эванса (квартирмейстера)

Джию Чайнамен Кристофер – Хупера

Виктор — Боуэrsa

Сниппстс Нобби — Лэшли

Пятница, 2 июня. Все еще сильный ветер; вчера рано утром снег перестал мести, трудно объяснить почему. Ночью небо прояснилось. Сегодня утром сияние развернуло на севере свои красивые флаги, а на востоке появилась бледная дуга. Любопытно, что темпе-

ратура все держится высокая: около $+7^{\circ}$ [-14°C]. В здешних метеорологических условиях очень трудно разобраться.

Суббота, 3 июня. Вчера вечером ветер упал, но в 4 ч утра полное затишье вдруг сменялось ветром, дувшим со скоростью 30 миль в час. Почти мгновенно, не больше как в одну минуту, температура поднялась на 9 градусов. Я не запомню другого подобного столь необыкновенного и интересного случая внезапного подъема температуры при южном ветре. Можно предположить, что во время затишья слой холодного воздуха на поверхности земли очень тонок и при внезапном ветре получается резкий инверсионный градиент.

Когда поднялся ветер, небо было необычно ясное, каким я его никогда не видел, созвездия горели ярко, и Млечный Путь блестел, точно полоса южного сияния.

Симпсон только что прочел нам лекцию о своих приборах. Его объяснения замечательно ясны.

Далее следует список применяемых нами приборов.

Прибор	Принцип работы
Внешний (биметаллический) термограф	Спирт в спирали, маленькая свинцовая трубка — плавающий сосуд
Внутренний (спиртовой) термограф	
Электрический регистрирующий анемометр	Дисковый прибор с контактом на колесе; устройство, замедляющее инерцию колеса
Анемометр Дайнса	Парабола на погруженном поплавке
Регистрирующий ветроуказатель	Металлическое перо
Магнетометр	Горизонтальная сила, измеренная в двух направлениях; вертикальная сила в одном направлении — регулятор времени
Баллонный термограф с приспособлением для измерения высоких и низких потенциалов	Прибор, отмечающий точки и разницу

Ветер продержался весь день. Выходить из дому было неприятно. Но я все-таки пошел прогуляться по берегу. Было очень темно, скалы казались черными, снегу лежало очень мало. Старые следы шагов на песчанистом, мягком грунте наполнялись снегом и выделялись белыми пятнами на черном фоне. По возвращении зубрил пищевую статистику.

Симпсон во всех отношениях заслуживает удивления — и как работник, и как ученый, и как лектор.

Воскресенье, 4 июня. Отчет о том, как прошло это типичное в наших условиях воскресенье, будет звучать следующим образом:

Завтрак. Полчаса уходит на выбор гимнов и приготовления к молитве. Дом в это время убирают. Богослужение: пение гимна, утренние молитвы и псалмы, еще один гимн, молитвы, молебствие и, наконец, заключительный гимн и наша особая молитва. Уилсон дает тон, и начинается пение гимна. Я стараюсь не сбиться с тона, но это не всегда мне удается. После церкви люди выводят своих лошадей и отправляются на прогулку. Тихий, прекрасный день. Сегодня Уилсон, Боуэрс, Черри-Гаррард, Лэшли и я приступили к постройке нашего первого ледяного дома — иглу. Мнения о том, каким орудием лучше резать плиты смерзшегося снега, сильно расходятся. У Черри-Гаррарда был нож моего изобретения, изготовленный Лэшли; у Уилсона — пила; у Боуэрса — лопатка. Мне сдается, что всех лучше будет работать нож, но другие еще не соглашаются со мной.

Насколько можно судить, этому ножу нужно приделать более длинную ручку, а зубья пилообразного лезвия должны быть значительно грубее. Возможно, что лезвие должно быть тоньше.

Нам до тех пор надо упражняться, пока научимся. К чаю у нас было положено всего три ряда снежных кирпичей, но было слишком темно, чтобы продолжать работу.

В воскресенье после полудня все делают «вылазки». Я на лыжах прогулялся по ледяному полю. После недавних ветров поверхность льда до Непроступного острова очень удобна для ходьбы на лыжах. Здесь, да, по-видимому, и на протяжении почти всего берега можно установить, что в это время, т. е. в первую неделю июня, мокрые, липкие соляные кристаллы покрываются снегом и поверхность льда делается пригодной для деревянных полозьев. За островом слой снега очень тонок, он едва покрывает лед, и поверхность еще плоха.

На южной стороне острова произошел небольшой обвал. Семь или восемь обломков скал весом в тонну или две свалились на льдину. Это интересный пример перемещения горных пород при посредстве морского льда.

Понтинг побывал на айсбергах, снимал их при магнietовом освещении. Я проходил мимо южной части острова и видел вспышки магния. Ни дать ни взять – молния. Освещались небо и, по-видимому, предметы, весьма отдаленные от фотокамеры. Очевидно, магний может служить отличным средством для сигнализации. Собираюсь сделать опыты по этой части. Вспышка магния – сигнальный аппарат летом. Убили еще одного тюленя-крабоеда. Он занесен сюда айсбергами.

Понедельник, 5 июня. Ветер весь день дул с юга; небо пасмурное, и воздух наполнен снежными кристаллами. Температура все поднималась и сегодня вечером дошла до +16° [–8 °C]. Все как будто предвещает пургу. Но чем объяснить такую высокую температуру, одному богу известно. Ходил прогуляться по скалам; было тепло и сыро.

Тэйлор прочел нам доклад о глетчере Бирдмора, о котором он старательно собрал все имеющиеся сведения. По его словам, поверхность глетчера Бирдмора имеет больший уклон в сравнении с глетчером Феррара. Если трещин действительно там так много, как говорит Тэйлор, то скорость движения глетчера должна быть весьма значительной. По-видимому, имеются три места с многочисленными трещинами там, где глетчер стеснен и поэтому уклон круче.

Тэйлор рассказал о геологии района глетчера Бирдмора, описал найденные исследователями горные породы, изложил вкратце нерешенные задачи в этой области науки. На северной части района глетчера Бирдмора коренные породы как будто сложены из красноватых и серых гранитов и шифера (возможно, содержащего полезные ископаемые). Гора, известная под названием Облаконосной, сложена из диорита; гора Беклей – из осадочных пород. Формация ее гадательно такова: несколько пластов угля, а сверху и снизу песчаник. Интересно удостовериться, так ли это, и поискать уголь.

Гора Доусон, по словам Тэйлора, сложена из розоватых известняков со вклиненной в него темной породой. Впрочем, это очень сомнительно! Известняк интересен благодаря возможности встретить в нем ископаемые кембрийской эпохи (*Archeocyathus*). Он еще упомянул об интересной находке таких же, как в Сухой долине, вулканических конусов недавней формации, образовавшихся после отступления льдов.

Элементы, которые следует отмечать при геологических и физико-географических исследованиях

1. Конфигурация острова Надежды.
2. Характер краевых частей стен (ледяных).
3. Тип вторичных ледников – утесы или курганы, подвергшиеся расколам (осколочные).
4. Могут ли вторичные ледники постепенно переходить в первичные?
5. Форма и величина склонов, глубоких промоин на периферии ледяного поля.

6. Могут ли вторичные ледники пробивать промоины?
7. Могут ли верховые морены иметь мозаичную структуру?
8. Характер последовательности слоев.
9. Типы морен, размеры блоков (глыб).
10. Выветривание ледников, типы поверхности. Следы бокового или горизонтального деления? Рябь, снежные стулья? Остекловывание, слоистые структуры (соты), следы выпавания, коралловые рифы, ледяные бастионы (выступы).
11. Размеры прослоев ленточных глин; имеют ли они неправильную форму, напластованы последовательно или порублены.
12. Поперечные разрезы долин со склонами порядка 35°?
13. Нунатаки, высоты округленных (нунатаков?), величина углов на профиле, эрратические валуны.
14. Данные о последовательности в ледниковой дельте.

Дэбенхэм отметил при обсуждении доклада значение мелких геологических образцов. Он считает, что множество маленьких осколков горных пород, взятых из разных мест, более ценны, чем немногие крупные образцы.

У нас произошла интересная маленькая дискуссия.

Для геологов и физико-географов «оледенелые земли» представляются участками, формы которых обусловлены предшествующей деятельностью льда. Я протестую против такого представления.

Я представляю себе под этим термином и считаю это понятие более современным, что «оледенелые земли» – это территории, целиком или частично покрытые льдом и снегом, причем – в настоящее время.

Терминами, имеющими различное значение, являются: льды покровные и льды эрозированные.

Сегодня я помогал Отсу чертить попоны для лошадей. Главная задача, по-моему, в том, чтобы попона покрывала всю заднюю часть тела животного.

Вторник, 6 июня. Температура доходила до +19° [–7 °C]. Сегодня южный ветер продолжался до вечера. Небо ясное, за исключением красивых изорванных облаков вокруг горы. Вечером луна показалась из-за горы и поплыла по безоблачному северному небу. Ветер стих, и стало удивительно красиво.

Сегодня – день моего рождения, о чем я, вероятно, забыл бы, но не забыли мои добрые товарищи. За вторым завтраком появился огромный торт. Нас всех сгруппировали вокруг него и сфотографировали. Клиссолд разукрасил торт обсахаренными фруктами, узорами из шоколада, маленькими флажками и даже моей фотографией.

После прогулки я увидел, что делаются большие приготовления к праздничному обеду. Когда настал обеденный час, мы сели за богато уставленный всякими яствами стол с развешенными вокруг флагами. Меню состояло из необыкновенно вкусного тюленьего супа (специальность Клиссолда), жареной баранины с желе из красной смородины, спаржи, компота и шоколада. Пили крушон из сидра, состав которого так и остался для нас тайной; были еще херес и ликер.

После такого роскошного угощения все развеселились и разговорились. В то время как я это пишу, одна группа сидит в темной камере и горячо обсуждает политические вопросы; другая группа – в конце обеденного стола – излагает свои взгляды на происхождение материи и вероятность открытия ее в далеком будущем; третья спорит о военных вопросах. Отрывки разговоров, доходящие до меня от разных групп, сталкиваются иногда пресмешно. Эти споры, может статься, и бесполезны, но они доставляют большое удовольствие участвующим. Нельзя без улыбки слышать, каким торжеством звучит голос спорщика, вообража-

ющего, что он отпустил округленную фразу или победоносно решил тот или другой спорный пункт. Молоды они все, мальчики, но такие хорошие. Во всех этих словесных стычках хоть бы прорвалось одно сердитое или резкое слово, хоть бы один диссонанс. Все эти словопроения раздражаются смехом.

Нельсон сейчас предложил Тэйлору поучить его геологии за... пару носков! Засыпаю под шум голосов!

Среда, 7 июня. Прекрасный день. Ходил по льду довольно далеко к югу. Захватил с собой Боуэрс и зашел к Нельсону в его ледяной погреб, застав его около термометра. Поверхность гладкая, точно полированная, удобная для лыж. Луна ярко светит, в воздухе тихо и бодро. Температура -10° [-23°C] – идеальные условия для зимней прогулки.

Вечером я читал доклад «О Ледяном барьере и о материковом льде», для чего подобрал много новых фактов. Все с таким увлечением участвовали в последовавшей за докладом беседе, что мы разошлись не раньше полуночи. Я этот доклад сохраняю, он послужит превосходным основанием для всех будущих работ на подобные темы.

Укрытия над отверстиями во льду

Иногда приходится вторично открывать уже известные вещи. Так, например, во время сооружения укрытий для отверстий во льду нам пришлось с этим столкнуться.

В период экспедиции на «Дискавери» мы были довольно хорошо осведомлены в этом деле, но, к сожалению, не записывали результатов своего опыта. Я набросал вышеприведенные зарисовки для Нельсона и обнаружил по дороге к отверстию, что сугроб соответствовал моему чертежу. Чертежи говорят сами за себя. Я считаю, что стенка «и» должна быть выше стенки «а».

Была моя очередь ночью дежурить. Безмолвные часы прошли быстро и приятно. Лег спать в 7 ч утра.

Четверг, 8 июня. Не вставал до 1 ч пополудни, болит голова – неизбежное последствие бессонной ночи. Гулял вокруг айсбергов при ярком лунном свете, но с юга быстро находили тучи.

Пробовал мой снеговой нож; он совершенствуется. Дэбенхэм и Гран сегодня утром отправились на мыс Хижины. Завтра должны вернуться.

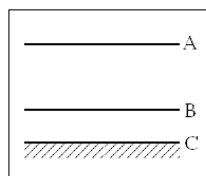
Пятница, 9 июня. Со вчерашними тучами не было ветра, но с тех пор как они обложили небо, оно очистилось всего часа на два около середины ночи. Луна проливали яркий свет. Его почти можно было принять за дневной.

За исключением этого краткого промежутка, повисшая над нами завеса слоистых облаков то густеет, то редет, поднимается и опускается с ошеломляющей изменчивостью. Нам недостает теорий для объяснения этих загадочных атмосферных явлений, между тем досадно лишаться преимуществ лунного света.

Сегодня утром Нельсон, Райт и я рассуждали о действии морской воды на таяние Барьера и морского льда. Это было для меня полезно тем, что обратило мое внимание на равновесие слоев морской воды.

После полудня я совершил на лыжах прогулку вокруг острова Острого хребта, всего пять-шесть миль; дорога была хорошая, но местами все еще неровная, с встречающимися подчас грядами, образовавшимися в период, когда лед был еще мягкий. Снег удивительно рыхл на южной стороне обоих островков. Ясно, что в самую сильную пургу можно совсем укрыться от ветра, если встать с наветренной стороны большого острова. Теперь становится все очевиднее, какую хорошую защиту от ветра представляют высокие, крутые предметы.

Прошел мимо трех спящих на льду тюленей. Два других были убиты вблизи айсбергов.

Суббота, 10 июня. Угрожающая пурга настигла нас; ветер налетел в 9 ч 30 м утра.

Симпсон провел ночь, обдумывая теорию, которой можно было бы объяснить это явление, и сегодня утром изложил ее нам. Она даст хорошую основу для будущих наблюдений. Симпсон представляет себе атмосферу AC в потенциальном равновесии с широкой полосой устойчивости, т. е. разница в температуре между A и C значительно меньше, чем адиабатический градиент.

При этом существует тенденция к охлаждению посредством излучения до тех пор, пока какой-нибудь критический слой B не достигнет должной точки. Таким образом, у [слоя] B образуется слоистое облако. С этого момента AB продолжает охлаждаться, но BC защищено от радиации, в то время как происходит подогрев от радиации снега и, возможно, от скрытого тепла, образующегося при формировании облака.

Состояние быстро приближается теперь к неустойчивому равновесию, где BC имеет тенденцию к снижению.

Благодаря отсутствию солнечного тепла это явление будет протекать более быстро на юге, чем на севере; поэтому нарушение начнется раньше на юге. Раз начавшись, нарушение будет быстро распространяться на север, принося с собой снежную бурю. Фактами, подтверждающими эту теорию, являются образование слоистого облака перед снежной бурей, снег и теплая температура во время бури и ее порывистый характер.

Это хорошая отправная точка, но, конечно, она имеет слабые стороны.

Аткинсон нашел в рыбе трипанозому, окрасил ее, сфотографировал и нарисовал. Это открытие тем интереснее, что вообще найдены немногие виды этой бациллы. Трипанозома – разносчик сонной болезни.

Ветер с метелью продолжался весь день. Я вышел на прогулку, но погода не располагала к ней.

Мы начали заниматься подробностями нашей экипировки для предстоящей весенней экспедиции. Говорили о подошвах с шипами, о подшивке меховых сапог тюленьей кожей и об устройстве двойной палатки.

Квартирмейстер Эдгар Эванс и Лэшли удивительно разумно выполняют все наши инструкции.

Воскресенье, 11 июня. Славное, ясное утро; полная луна плывет высоко. Утром для мотиона пробежался на лыжах в бухту и взобрался на Вал. Посреди дня поднялся было ветер и погнал снег, но теперь опять почти тихо.

На утренней молитве Черри-Гаррард – славный малый – симпровизировал аккомпанемент к двум гимнам. Ему выразили благодарность и поощрение, и в следующее воскресенье он справится уже со всеми тремя гимнами.

В эту пору зимнего солнцестояния с каждым днем все меньше и меньше новых впечатлений; кажется, будто события замыкаются в самый узкий круг. Однако если поразмыслить, окажется, что это неверно. Так, например, у нас сегодня было целых три важных обсуждения погоды и состояния льдов, могущих послужить материалом для многих рассуждений. На основании их уже сделано несколько незначительных распоряжений.

Если здесь так трудно удовлетворительно вести дневник, то насколько труднее записывать сполна все события одного дня в условиях цивилизованной жизни. Вот почему, думаю я, дома мне всегда было так трудно вести дневник.

Понедельник, 12 июня. Погода нас не балует. Ветра сегодня было немного, но луна скрывается за слоистыми облаками. Ужасно обидно, когда лишаешься и того удовольствия, которое луна доставляет своим светом. Часть наших в следующем месяце собирается совершить экскурсию на мыс Крозье. Не знаю, как они смогут это сделать, если до тех пор не улучшатся метеорологические условия.

Дэбенхэм и Гран еще не вернулись: пятый день, как ушли.

Боуэрс и Черри-Гаррард после полудня отправились на мыс Ройдса. Предполагают там переночевать. Утром туда ходили Тэйлор и Райт и возвратились вскоре после второго завтрака. Сегодня утром сделал короткую пробежку на лыжах и такую же во второй половине дня.

Вечером лейтенант Эванс прочел нам лекцию по топографии. Говорил он застенчиво и медленно, но очень старательно и перед этим много потрудился над изготовлением туманных картин. Я по этому случаю поспешно записал кое-что, требующее, по моему мнению, особого внимания. Мне кажется, что я теперь понимаю, почему прежним (таким, как Белчер) исследователям не давалась полярная работа.

Каждый участвующий в экспедиции к Южному полюсу должен

1. Сохранить в памяти приблизительные изменения магнитного склонения на разных этапах пути, знать, как их использовать, чтобы установить истинный курс по компасу (магнитное склонение изменяется очень медленно, так что не требуется большого усилия памяти).
2. Знать истинный курс от одного склада к другому.
3. Уметь делать наблюдения с помощью теодолита.
4. Уметь установить широту данного места.
5. Будет полезно, если он, кроме того, будет в состоянии установить и долготу.
6. Уметь читать путевой счетчик на санях.
7. Отметить и запомнить неточность своих часов и установить степень, с которой увеличивается эта неточность с течением времени.
8. Помогать топографу отмечать совпадение предметов, места, где раскрываются долины, также новые горные пики и пр.

Вторник, 13 июня. Чудный день. Мы наслаждались тихим ясным лунным сиянием. Температура упала до -26° [-32° °C]. Поверхность льда отличная для ходьбы на лыжах. Утром пробежался в Южную бухту, а после полудня далеко обошел Непроступный остров. В такую погоду холодное величие пейзажа не поддается описанию. Восхитительно все, от темной, почти фиолетовой синевы звездного неба до сверкания айсбергов и кристаллов под ногами. Над южным выступом горы местами яркими переливами играет сияние. Поперек неба к северу пролетел яркий метеор.

Придя домой, я нашел возвратившихся с мыса Армitedж Дэбенхэма и Грана. Они собирались вернуться еще в воскресенье, но погода задержала их. Видимо, там у них ветры были еще сильнее, чем у нас.

У дома на мысе Хижины они нашли бедную собачку, маленького Макаку, свернувшегося перед дверью, до жалости исхудавшего, ослабевшего, но настолько сохранившего еще энергии, чтобы залаять на них.

В январе (7-го), когда мы выгружали припасы, Макака попал под полозья, и сани долго волочили его. После этого он все хворал, но с неизменной бодростью переносил все тяготы

похода. Во время нашего пребывания на мысе Хижины больно было смотреть на него. Шерсть упорно не росла на всей задней части его тела. Мы уже не думали, чтоб он мог выжить. Когда группа Мирза уходила с мыса Хижины на мыс Эванса, Макаку не запрягли и позволили ему бежать за санями на свободе.

По возвращении их на зимовку я тотчас же осведомился о бедной собачке. Дмитрий сказал, что она пришла с ними, но потом оказалось, он ошибся. Макаку хватились еще в пути, и после того его уже не видали.

Об этом я узнал всего несколько дней назад и совсем уж потерял надежду увидеть бедное животное. Непостижимо, как могло несчастное, хромот, полунагое создание целый месяц просуществовать без приюта и призора. Морда у Макаки была вся в крови, из чего можно было заключить, что он убил тюленя, но как он ухитрился это сделать, как смог прокусить толстую шкуру тюленя – решительно непонятно. Уж подлинно, голод всему научит.

Среда, 14 июня. Бури нам не дают покоя. Сегодня утром небо заволочло тонким слоем облаков, не суливших ничего хорошего.

Немедленно после второго завтрака нагрязнул ветер, по обыкновению, порывами, достигавшими скорости 65 миль в час. Я все-таки прошелся вокруг дома. Какая разница против вчерашней чудной прогулки! Удивительны эти быстрые перемены.

Посетил ледяной погреб Райта. Маятник поставлен и скоро будет готов для наблюдений. Райт сказал мне, что видел очень интересные примеры роста ледяных кристаллов на стенках погреба и заметил при этом же необъяснимое смещение величины зерен льда. Это указывает, как мало данных можно почерпнуть из структуры льда.

Сегодня вечером Нельсон прочел нам вторую лекцию по биологии. Он начал с краткого обзора научной классификации животных, распределив их на семейства, типы, группы, классы, отряды, роды, виды. Он считает, что задачи биолога в подобного рода экспедиции сводятся к «определению условий, при которых органические вещества существуют в море».

Далее он указал на различие животных, обитающих на дне, не обладающих способностью передвигаться, – бентоса, подвижную жизнь средней полосы моря – нектона и плавающих организмов – планктона. Затем он весьма убедительно рассказал о важном значении крошечных растительных организмов, являющихся основой всей жизни.

В дельфине-косатке можно найти тюленя, в тюлене – рыбу, в рыбе – более мелкую рыбу, в мелкой рыбе – копепода, в копеподе – диатомею. Если это обычный путь на протяжении всего цикла питания, то диатомея, или растительный организм, является основой всего.

Свет – самое основное для жизнедеятельности или обмена веществ растений, но свет быстро исчезает в глубине вод, так что все живое в океане в конечном итоге зависит от фитопланктона. Поэтому изучить эти явления – значит понять суть проблем.

Здесь докладчик отклонился от темы лекции и стал описывать различные приборы, предметы и инструменты, которыми пользуются на корабле и на берегу: рыболовный трал, трал Агасиза, сеть «Д» и обыкновенную драгу.

Он сказал пару слов о применении сетей «Д». Затем последовало объяснение, как пользоваться ситами для определения и классификации дна: в зависимости от характера дна происходят те или иные изменения животных, обитающих на нем.

Потом он рассказал нам о плетеных сетях из прекрасного шелкового материала, в которых на каждый дюйм приходится 180 петель, о материалах стоимостью в две гиней за ярд, о немецких плетеных неводах для количественных измерений и их сомнительной точности, о тралах молодой рыбы.

Затем последовал рассказ о химическом составе морской воды с общим содержанием соли приблизительно в 3,5 %, хотя эта цифра часто меняется: пропорция различных солей как будто не меняется. Таким образом, пробы на хлор обнаруживают содержание соли коли-

чественно. Жизнь планктона должна зависеть от степени насыщенности солью, а также от температуры, давления и движения.

Если планктон находится в поверхностных слоях воды, тогда плотность, температура и т. п. поверхностных слоев воды окажутся важным фактором. Почему биологи прилагают столько усилий к тому, чтобы исследовать более глубокие слои воды? Почему нельзя предположить, что жизнь в глубинах моря зависит от питания живых организмов отмершими?

Здесь лектор снова отклонился, пустившись в описание бутылок для измерения глубины вод, глубоководных термометров, счетчиков, регистрирующих скорость течения, о которых, мне думается, я уже упоминал в этом дневнике. До какой глубины достигает свет – проблема трудноразрешимая, и нам пришлось поспорить о ней, обсуждая этот вопрос. Симпсон предложил разрешить проблему лабораторным путем при помощи опытов и утверждал, что таким образом легко будет определить ее. Аткинсон предложил вырастить бактерии в искусственных условиях. По его теории, растительная жизнь невозможна якобы без инфракрасных лучей, которые, вероятно, проникают не глубже 7 футов или около того. Против этого свидетельствует замечательная добыча немецкой экспедиции – нахождение *Holosphaera Viridis* на глубине 2000 морских саженей. Этот случай как будто подтвержден. Всеобщее веселье вызвал Боуэрс, пожелавший узнать, «к кому ближе пикногониды – к арахнидам (паукообразным) или к ракообразным». Вопрос сам по себе весьма разумный, но вызвал смех из-за длинных названий.

Нельсон – чрезвычайно способный лектор, очень ясно излагает свой предмет и никогда не вдается слишком в технические подробности.

Четверг, 15 июня. Резкий холодный ветер. Небо было обложено до 5 ч 30 м вечера. Провел день в праздности. У лошади Джимми Пигг был припадок колик. Ее вывели из конюшни и лечили на льду. Ей как будто стало лучше, но, вернувшись в свое стойло, она отказалась от корма.

Вечер. Сейчас Отс сказал мне, что Джимми исправно поел. Надеюсь, что все обойдется.

Пятница, 16 июня. Опять пасмурно. Ветра мало, но и лунного света немного. Джимми совсем выздоровел.

Днем обошел айсберги. С айсбергов неправильной формы отвалилось много льда; значит, выветривание айсбергов в значительной мере происходит зимой, так что срок существования отдельного айсберга весьма ограничен, даже если он находится в высоких широтах.

Дэбенхэм сегодня читал доклад о вулканах. Содержание очень хорошее, но голос у него немного монотонный, и среди слушателей заметны были признаки сонливости. Все, однако, оживились, чтобы участвовать в горячем и забавном споре, следовавшем за докладом.

Лектор продемонстрировал сперва таблицу географического распределения вулканов. Как известно, действующие вулканы обычно имеют тенденцию располагаться рядами. Проследив расположение этих рядов в других частях света, он заметил, что поблизости от пролива Мак-Мурдо обнаружить распределение вулканов систематически рядами трудно. Между прочим, Дэбенхэм подчеркнул те важные выводы, которые можно извлечь из обнаруженных в районе Эребуса изменений в залеганиях песчаников, и перешел к описанию форм вулканов.

Массовый тип, образованный чрезвычайно текучими лавами, например, Мауна-Лоа (Гавайи), Везувий.

Более совершенные конусы, образованные осыпью пепла, – Фудзияма, Дискавери.

Взрывчатый тип с паразитическими конусами – Эребус, Морнинг, Этна.

Извержения через трещину – имеют место в исторический период только в Исландии, но лучшие примеры – в доисторический период: Деккан (Индия) и Орегон (США).

Имеются лишь слабые основания предполагать, что существует связь между соседними вулканами, – действие одного вулкана очень редко сопровождается действием другого. Вероятнее всего, что выходные каналы этих вулканов совершенно отделены друг от друга.

Продукты извержения вулканов. Лектор упомянул о свободном выходе какого-то количества водорода. Позже этот вопрос вызвал некоторые споры. То, что вода разлагается, можно легко понять, но что же происходит с кислородом? Симпсон предполагает наличие сильно окисляющегося материала. Обсуждался также газ CO_2 и его ядовитые свойства – мифический «анчар» – сернистые пары, достигающие своих окончательных стадий.

Фактически через склоны вулканов потеря тепла не происходит или происходит в минимальном количестве.

Спорили о физических явлениях, вызывающих взрывы, в особенности барометрическое влияние. Было много не связанных между собой сведений о лавах – жидких, подвижных и вязких, а также о конусах и пещерах. Во всех случаях лавы текут медленно – тепло было обнаружено близко от поверхности через 87 лет после извержения. На Этне лава лежит поверх снега. Затем лектор дал обзор вулканизма наших окрестностей. Он описал различные отверстия на Эребусе, считает Касл-Рок «пробкой». Последнее вызвало некоторые споры. Он думает также, что Наблюдательный холм является частью старого вулкана, не имеющего ничего общего с Кратерным холмом; Непрístupный остров как будто не имеет никакой связи с Эребусом.

В заключение мы немного поговорили о происхождении вулканизма, а затем обсудили старый вопрос – связь его с морем. Почему вулканы всегда находятся неподалеку от моря? Дэбенхэм считает, что это не причина и следствие, а два следствия какой-то одной причины.

Большой спор вызвал вопрос о том, можно ли наблюдать действие барометрических изменений на пары, выделяемые Эребусом. Поговорили немного о теории вулканов; Дэбенхэм упомянул об американских теориях – таяние от температуры внутренней.

Суббота, 17 июня. Северный ветер, изменчивая температура до -16° [-27°C]. Луна все еще прячется. Невесело.

Воскресенье, 18 июня. Опять пурга. Это, наконец, невыносимо. Пора бы погоде установиться. К сожалению, луна переходит в новую четверть.

Как обычно, читал молитвы. Пение гимнов вышло не совсем удачное. Аткинсон произвел обычные ежемесячные наблюдения. Не думаю, чтобы были значительные изменения в показателях.

Понедельник, 19 июня. Приятная перемена: тихо и ясно, но холодно, температура до -28° [-33°C]. В 1 ч 30 м пополудни луна скрылась за Западными горами, после чего на льдине, несмотря на ясное небо, стало очень темно. Пересек залив на лыжах, потом обошел мыс и отправился обратно домой, наперерез резкому северному ветру.

Аткинсон делает новую прорубь для своей мережи. По той и другой причине – оттого что порвалась мережа и прорубь замерзла – давно не было улова. Не думаю, чтобы в темные месяцы ловилось много рыбы, но Аткинсону много и не нужно. Что же касается нашего стола, то рыба, хотя и довольно вкусная, не составляет для него большой потери.

Наша жизнь уже давно протекает по установившемуся неизменному порядку. Клис-солд поднимается около 7 ч утра и разводит огонь. В 7 ч 30 м Хупер подметает и накрывает на стол. От 8 ч до 8 ч 30 м люди отправляются по разным хозяйственным делам – приносят лед, топят его на огне и т. п. Антон идет кормить лошадей, а Дмитрий отправляется к собакам. Хупер начинает будить заспавшихся, пугая их поздним часом. При этом он обыкновенно обманывает их на четверть часа. Начинается потягивание и обмен утренними приветствиями, подправленными разными юмористическими, полусонными прибаутками. Уилсон и Боуэрс в «костюме Адама» встречаются у большого таза, наполненного свежим снегом, и принимаются растирать им лоснящееся тело. Немного погода их заменяют другие, менее

храбрые, довольствуясь весьма скромным количеством воды. Вскоре после 8 ч 30 м скрепя сердце выползаю я из очень удобной постели и приступаю к своему туалету, для чего мне достаточно чуть не стакана воды. Приблизительно через 20 минут я одет, постель моя заправлена, и я сажусь за свою овсянку. К тому времени и остальные присаживаются к столу, но два-три лентяя являются к самому концу предельного срока.

Установлено правило не допускать задержки в работе, и иных приходится слегка подгонять, чтобы не отставали. К 9 ч 20 м завтрак окончен, и когда часы пробьют половину – со стола уже убрано.

От 9 ч 30 м до 1 ч 30 м команда занята подготовительными работами к предстоящей санной экспедиции. Эти работы, по всей вероятности, займут наибольшую часть зимы. С починкой спальных мешков и переделкой палаток уже покончено, но есть еще много неоконченных или еще не начатых работ, как-то: сооружение мешков для провизии, подошв из тюленьей шкуры с шипами, попон и пр.

После завтрака Хупер вторично основательно выметает, моет посуду и вообще прибирает. Хорошо, что нам нет надобности самим все это проделывать. У нас получаются долгие, нераздробленные на посторонние занятия дни, целиком посвященные научным работам. Следовательно, тем самым достигается, в конце концов, сбережение энергии мозга.

Ко второму завтраку мы собираемся в 1 ч 30 м или в 1 ч 45 м и проводим за ним очень веселые полчаса. После завтрака, если погода позволяет, проезжаются лошади. Это многим из нас дает занятие на добрый час. Остальные в это время гуляют или что-нибудь делают для мотиона. Затем мы возвращаемся к своим работам, а команда занимается всякой всячиной.

Обед – в 6 ч 30 м; на него отводится час. Остальное время читают, занимаются разными играми, иногда кончают ту или другую работу. Обыкновенно какая-нибудь добрая душа заводит граммофон. Три раза в неделю бывают лекции или доклады, которые всегда привлекают слушателей и вызывают оживленный обмен мыслями.

В 11 ч гасятся ацетиленовые лампы. Если кто желает еще посидеть или почитать в постели, то должен довольствоваться свечами. Но и свечи гасятся к полуночи. С масляной лампой остается только ночной дежурный.

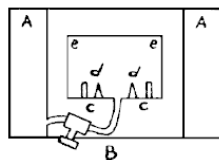
Так проходят дни. Жизнь, пожалуй, не особенно деятельная, но и далеко не праздная. Немногие из нас спят больше восьми часов. Днем в субботу или в воскресенье утром происходят более обстоятельные омовения. Мы бреемся, меняем белье. Такими мелочами знаменуется переход от одной недели к другой.

Сегодня Дэй прочел нам доклад о своих моторных санях. Он, по-видимому, очень надеется на успех, но я боюсь, что его сани не настолько надежны, насколько это представляется пылкому воображению Дэя. Желал бы я с большим доверием отнестись к его стараниям, потому что он премилый юноша.

Вторник, 20 июня. Ночью температура спустилась до -36° [-38°C]. Это самая низкая температура за всю зиму. Как обыкновенно бывает при низкой температуре, день тихий.

Сегодня утром было очень красиво. На западе заходил рог луны; Эребус виднелся сквозь густую дымку. Это свидетельствует о том, что плотность дымки зависит, скорее, от температуры, чем от барометрического давления. Я с наслаждением пробежался на лыжах.

Экскурсия на мыс Крозье готовится к выходу. Идут совещания о том, как обеспечить экскурсантов максимально большими удобствами в столь суровых условиях. В книге Свердруп «Новая земля» я напал на заметку о пользе двойной палатки. Эдгар Эванс смастерил для одной палатки подкладку. Она прикреплена к внутренней стороне шестов так, что воздух проходит между нею и наружной оболочкой. Я считаю такую палатку большой удачей. Помимо того, благодаря ей исчезнет настоящая необходимость в разрешении проблемы снежных хижин, хотя мы и будем продолжать работу в этом направлении.

Еще новость – спальный мешок из гагачьего пуха, заложенный внутри мехового мешка из шкур северного оленя. В таком мешке вначале будет, несомненно, хорошо спать, но когда он обледенеет – тогда, пожалуй, беда.

Дэй всю свою энергию прилагает на сооружение печки, работающей на ворвани. Ему много помогает в этом опыт, приобретенный на мысе Хижины.

Ворвань вливается в кольцеобразный сосуд *A*. Масло переходит оттуда через трубку *B* и расходится по поверхности плиты *C*, ограниченной бортами, *dd* – выступы, служащие проводниками тепла; *ee* – оловянный дымоход для огня с отверстиями в основании его.

Чтобы зажечь печку, нужно подогреть плиту *C* спиртовым примусом, но когда масло разгорится как следует, то получаемого от него тепла совершенно достаточно для того, чтобы растопить ворвань в *A* и поддерживать поступление масла. Температура постепенно повышается до тех пор, пока масло не начнет поступать из *B* в парообразном состоянии, в том случае, конечно, если тепло, отдаваемое печкой, будет достаточно сильным.

Эту печку привели сегодня в действие в течение пяти минут при низкой внешней температуре и с замерзшей ворванью. Для экспедиции на мыс Крозье эта печка будет иметь большое значение при постройке жилища, а летом накопленный опыт окажется бесценным для экспедиции на Запад. При наличии хорошей печки на ворвани исчезнет необходимость брать с собой в береговой поход топливо, и если нам удастся усовершенствовать ее, то это принесет нам благодарность потомков.

Экскурсия на мыс Крозье преследует несколько научных целей. Как я уже упомянул, каждый участвующий должен питаться по особому режиму, чтобы установить нужное для человека количество жиров и углеводов. Уилсон, кроме того, собирается испытать действие двойной ветронепроницаемой одежды, вместо особо толстой шерстяной. Если в двойной непроницаемой одежде весной будет так же тепло, как летом в одинарной, то ясно, что, отправляясь на возвышенность Земли Виктории, нам мало придется увеличивать груз.

Я думаю, что новые горные сапоги с шипами, которые тоже будут испытаны в этой экскурсии, окажутся очень полезными. Это тот же тип обуви, который мы применяли в первую нашу экспедицию на «Дискавери» с прибавлением стальных шипов в полдюйма длины. Металлические пластинки приклепываются через парусину к внутренней кожаной подошве; парусина же со всех сторон покрывает меховой сапог и сверху зашнуровывается. Такая обувь весит не больше половины обыкновенного пьекса, но очень легко и прочно крепляется к лыже.

Приближается день зимнего солнцестояния – поворота зимы к лету. Приятно будет пользоваться светом для более деятельных приготовлений к будущему сезону.

Среда, 21 июня. Температура опять упала до -36° [-38°C]. Небо подернулось странной дымкой при очень слабом ветре. От мороза что-то портится в установленных на открытом воздухе инструментах с часовым механизмом и что-то делается с аппаратом для получения ацетиленов, впрочем, ничего неисправимого.

Ходил на лыжах вокруг айсбергов, но было темно и неинтересно. Ночью сохранялась низкая температура. Тэйлор сообщил о замечательно красивом сиянии.

Четверг, 22 июня. День зимнего солнцестояния. Солнце достигло низшей точки своего стояния в 2 ч 30 м пополудни по среднему гринвичскому времени, т. е. в 2 ч 30 м утра 23-го числа по времени 180-го меридиана, по которому мы живем. Это событие было отмечено

торжественным обедом, подобным тому, каким обычно дома, в Англии, знаменуется праздник Рождества. К чаю подали огромный торт, за который Черри-Гаррарду, снабдившему нас им, была вынесена горячая благодарность. Вокруг большого стола были развешаны флаги, национальный и флаги каждой санной партии, а стол уставлен многочисленными бутылками с шампанским и бокалами вместо обычных кружек и кувшинов с лимонадом. В 7 ч мы сели за обед, заслуживающий названия роскошного банкета по сравнению с нашим скромным будничным меню.

Начав с тюленьего супа, признанного всеми самым мастерским произведением искусства нашего повара, мы перешли к ростбифу с жареным картофелем и брюссельской капустой. Затем следовали: пылающий плумпудинг и прекрасные пирожки, наконец, изысканная закуска из анчоусов и тресковой икры. Это был не просто чудный обед, а настоящий пир, если прибавить к нему расставленные по столу разнообразные лакомства, вроде жареного миндаля, обсахаренных фруктов, шоколадных конфет и т. п.

Кроме всего этого – обилие шампанского и целая армия бутылок с различными ликерами, так что, когда очередь дошла до тостов, было из чего выбрать.

Я произнес маленький спич, в котором обратил внимание слушателей на то обстоятельство, что настоящим празднеством отмечается не только середина зимы, но и середина плановых экспедиционных работ. (Боюсь, что есть между нами люди, не думающие о том, как быстро летит время, и только еще принимающиеся за работы, которые должны бы быть в полном ходу.)

Я начал свой спич с упоминания того, что мы пережили за прошедшие лето и ползимы, что впереди еще ползимы и второе лето и нам надлежит в точности знать, каково наше положение во всех отношениях. Благодаря умению и стараниям лиц, заведующих хозяйством и животными, у нас сохранено достаточное количество припасов и перевозочных средств для достижения главной цели. Многое в будущем, сказал я, зависит от случая, но опыт подсказывает, что невозможно найти людей, более способных поддержать меня в предстоящем походе к полюсу, нежели те, кто весной пойдет со мной на юг. В заключение поблагодарил всех за оказанное мне доверие и единодушную помощь.

Мы выпили за успех экспедиции, после чего все сидящие за столом сказали по несколько слов. Результат получился весьма характерный: можно было наперед знать, в каком духе выскажется каждый.

Само собой разумеется, что все говорили коротко и скромно. Неожиданностью была глубокая сердечность, с какой товарищи отзывались обо мне, из-за чего я вынужден был просить прекратить любезности. Все же приятно было убедиться, что мое отношение к ученым членам экспедиции искренно оценено. Я почувствовал теплую благодарность к этим добрым, милым юношам за их задушевные слова.

Если успеху способствуют взаимное расположение и добротоварищеские отношения, то мы, поистине, заслуживаем успеха. С самого начала экспедиции не было ни одной размолвки между кем-либо из членов нашей компании. К концу обеда водворилось веселое настроение.

Комната была освобождена для Понтинга и его фонарей. Граммофон играл вовсю.

У стола отвинтили ножки и поставили его стоймя. Стулья расставили рядами. Получилась очень приличная аудитория. Понтинг с умным расчетом дождался этого случая, чтобы показать нам ряд диапозитивов собственного изготовления с видами окрестностей. Никогда я так не ценил работу Понтинга, как теперь, при виде этих прекрасных картин. Без всякого сравнения они превосходят все, что до сих пор достигнуто фотографией в этих широтах. Наша публика шумно аплодировала.

После представления стол снова поставили на ноги и на нем был приготовлен пунш, который мы пили за здоровье партии Кэмпбела и наших добрых друзей на «Терра Нова». Потом стол убрали опять и образовалась кадрили.

К этому времени действие возбуждающих напитков на людей, столь давно привыкших к безусловно трезвой жизни, сильно дало себя знать. Биолог ушел спать. Молчаливый Отс через край кипел весельем и непременно хотел танцевать с Антоном. Эдгар Эванс неуклюжим шепотом признавался всем в своих искренних чувствах. Патрик, или просто Пат Кэох-эйн, сделался невозможным ирландцем и все затевал споры о политике. Клиссолд сидел, широко ухмыляясь, и только время от времени от восторга выпускал зычное «ура» или ни к селу ни к городу вставлял какую-нибудь тяжеловесную шутку. Остальные с разгоревшимися глазами пользовались редким угощением с таким усердием, которое в другое время, наверно, не вызывало бы столь снисходительной улыбки.

Вдруг среди общего разгула появился Боуэрс, и за ним несколько человек внесли громадную «рождественскую елку» с ветвями, увешанными горящими свечами, пестрыми хлопушками и маленькими подарками для всех, предусмотрительно заготовленными, как я потом узнал, сестрой Уилсона. Самую «елку» соорудил Боуэрс из палок и прутьев, искусно связанных бечевками; «ветви» он обернул цветной бумагой. Все это было сделано замечательно ловко, и раздача подарков доставила огромное удовольствие.

В то время как мы у себя дома так беззаветно предавались веселью, стихии точно пожелали участвовать в нашем празднике, правда не столь буйно, но с большой торжественностью. Восточная сторона неба вся горела колеблющимися, сияющими массами света. Она представляла на редкость яркую, оживленную картину, которая то вспыхивала, то медленно блекла и угасала, чтобы снова возродиться в еще более чарующей красоте. Яркий свет то лился рекой, то массами собирался в одном месте, от которого огненные столбы взвивались вверх, потом волнами разбегались по более бледному полю, как бы оживляя его.

Невозможно созерцать такое дивное явление природы без некоего священного трепета, вызываемого, впрочем, не столько его блестящим великолепием, сколько нежностью и прозрачностью красок, а главное, дрожащею эфемерностью непрерывных переливов. Тут нет ничего разящего, ослепляющего, как описывали полярное сияние некоторые путешественники. Зрелище, скорее, действует на воображение своей нереальностью, чем-то спокойно-величественным, несмотря на беспрерывную подвижность.

Невольно дивишься, почему история не упоминает о поклонении полярному сиянию? Ведь так было бы легко узреть в этом явлении воплощение божества или демона. Нам, маленькой группе людей, молчаливо созерцавших это волшебное видение, казалось святотатством вернуться в легкомысленную и удушливую атмосферу дома. Когда я, наконец, вошел в него, то обрадовался, что в мое отсутствие почувствовалось общее влечение в сторону постелей. Не прошло и получаса, как сон уже одолел последнего из кутил. Так окончилось наше великолепное празднество в ознаменование дня зимнего солнцестояния.

Конечно, нет ничего особенно похвального в таком искусственном взвинчивании, но вряд ли кто решится строго отнестись к одной такой вспышке разгула в длинном ряду спокойно проводимых дней.

И наконец, мы ведь праздновали рождение года, который должен в хорошем или дурном смысле быть одним из самых знаменательных в нашей жизни.

Глава XII

В ожидании партии с мыса Крозье

Пятница, 23 июня, и суббота, 24 июня. Два тихих дня. Никаких происшествий. Возвращаемся к нашему обычному распорядку дня.

Воскресенье, 25 июня. Замечаю, что не упомянул о первом номере возрожденного Черри-Гаррардом журнала «Саус Поляр Таймс», поднесенном мне в день нашего праздника. Прехорошенькая книжка, переплетенная с большим вкусом. Крышку из тюленьей кожи и резного дерева сделал Дэй. Сотрудники под своими статьями не подписываются, но мне удалось угадать имена почти всех.

Редактор поместил одну мою статистическую статью о плане предстоящей экспедиции к Южному полюсу и прекрасно написанную статью Тэйлора о геологической истории нашего района. Остальные статьи, за исключением нескольких редакционных и метеорологических заметок, более легкого содержания. Стихи вообще средней руки, но одна статья, озаглавленная «Валгалла», показалась мне положительно незаурядным произведением. В ней описывается прибытие некоторых членов нашей компании к воротам, к которым, как гласит народная молва, привратником поставлен святой Петр. Написана она с очаровательным юмором, без малейшей натянутости. Шутки, имеющие ход в небольшом кружке, редко бывают понятны лицам, к нему не принадлежащим, но в этой статейке есть такие удачные, которые достойны распространения в более обширном кругу. Да и вся она отличается несомненной литературностью и тонкой отделкой.

Я не колеблясь приписываю эту вещицу Тэйлору, но Уилсон и Гаррард присуждают ее Мирзу. Если они окажутся правыми, мне придется признать свое суждение о человеческих качествах весьма неудовлетворительным. Непременно надо доискаться автора.

День тихий. Прочитал, по обыкновению, церковную службу, а после полудня прошелся с Уилсоном на Вал, чтобы до ухода Уилсона на мыс Крозье поговорить с ним без помех. Мне хотелось узнать его мнение о результатах научной работы. Он согласился со мной относительно необыкновенно удачного подбора нашего персонала. Я воспользовался случаем, чтобы указать Уилсону на желательность точного уговора с Понтингом и Тэйлором насчет отбора фотографий и составления отчетов ввиду предстоящего возвращения их в цивилизованный мир.

Погода за последнее время вела себя что-то очень таинственно. 23-го и 24-го числа она угрожала пургой, но теперь снова разгуливается, со всеми признаками дальнейшего улучшения.

Понедельник, 26 июня. Сегодня в полдень, при ясном небе, было светло, как в сумерки. Радует даже такой слабый намек на дневной свет. После полудня поднялся ветер и погнал снег; прорицатели снова пригрозили пургой. Но часа через два ветер упал, вечер выдался тихий и ясный, также и ночь. По теории Симпсона, пурге всегда предшествует облачное небо.

Тэйлор читал нам крайне интересный доклад о физической географии обследованной прошлой осенью области. У Тэйлора блестящий светлый ум, и изложение его восхитило нас широтой взглядов. Диапозитивы были сделаны с фотографий Дэбенхэма, и между ними были очень красивые. По мнению Понтинга, Дэбенхэм довольно сведущ в фотографии и правильно подходит к работе.

Поскольку лекция является кратким изложением отчета, составленного Тэйлором, нет надобности повторять ее содержание. Благодаря продемонстрированным снимкам еще нагляднее обнаружилось удивительное явление – различие глубины долин, в которых лежат

побочные (притоки) ледники. Эти долины пробиваются самими ледниками. Глетчер Канада, например, неподвижен, но все же он прорезал очень глубокую долину. Глетчер «Двойная завеса» висит под углом в 25° , не имея фактически никакой долины.

На лекции говорилось также о различиях между свойствами воды, обнаруженной мною в озере Бонни в декабре 1903 г., и Западной партией в феврале 1911 г. Нет сомнения в том, что накопление воды в озере должно продолжаться в течение двух или трех летних месяцев, но трудно представить, чтобы она могла снова за зиму вся испариться. Если все же это возможно, значит, «выпаривание» становится вопросом первостепенной важности.

Между прочим, среди диапозитивов была прекрасная картина, наглядно показывавшая открытие губок на глетчере Кётлица. На этом глетчере найдено множество больших губок – представителей современной фауны. Как могли они туда попасть? Об этом мы много спорили, но удовлетворительного разрешения не нашли. Невольно приходит в голову мысль, что, пожалуй, не исключается возможность того, что отягощенный валунами и булыжниками глетчер в конце концов освободился от них, в результате чего лед поднялся. Интересно бы дознаться.

Приготовления к экспедиции на мыс Крозье теперь окончены. Каждому участнику придется везти на себе 253 фунта. Груз немалый!

Дэй придумал прелестную лампочку, в которой сжигается тюлений жир, с таким остроумным приспособлением, что получается ясное, белое пламя. Мы постепенно приучаемся с успехом употреблять этот жир и как топливо, и как осветительный материал. Это будет играть важную роль в будущих антарктических исследованиях.

Вторник, 27 июня. Участники экспедиции на мыс Крозье выступили сегодня утром в наилучшем настроении, разместив тяжелый груз на двух девятифутовых санях. Понтинг сфотографировал их при магниевом освещении. Для кинематографа заснять экскурсию не удалось, так как недостаточно светло. Наши три путешественника нашли, что сани довольно легко идут по морскому льду, даже когда мы перестали им помогать. Боюсь, что на Барьере будет иначе. Но теперь никаких больше препятствий к отъезду не было, и они отправились.

Я с небольшой вспомогательной партией на всякий случай проводил их за мыс Ройдса. Тэйлор и Нельсон дошли до первого островка и возвратились с известием, что у путешественников все благополучно. Симпсон, Мирз и Гран пошли провожать их дальше и еще не возвращались.

Сейчас вернулся Гран. Он прошел с ними на лыжах 5,5 мили. Говорит, что Симпсон и Мирз возвращаются пешком. Он сообщил, что между островом Палатки и Ледниковым языком дорога местами плоха. Хорошо, что было кому помочь нашим путешественникам. Это зимнее путешествие – очень смелое предприятие, но его затеяли настоящие люди. Да будет им удача!

Расход угля

Боуэрс сообщает, что расход угля в настоящее время (середина зимы) равен 100 фунтам в день.

25 фунтов требуется нерегулярно для помещения, где проводятся магнитные наблюдения.

Со времени нашей высадки на берег ушло, по сведениям, полученным от Боуэрса, 8,5 тонны.

Это составляет излишек, равный 100 фунтам в день, а именно: 8,5 тонны за 150 дней равно 127 фунтам ежедневно, или 889 фунтам в неделю, или около 20,5 тонны в год.

Отчет от 4 августа. Израсходовано до настоящего времени 9 тонн = 20 160 фунтов.

190 дней по 106 фунтов в день. Остается 20,5 тонны угля.

Подсчитано, что до возвращения судна остается 8 тонн угля.

Общий расчет на год – 17 тонн. В будущем году у нас будет 13 или 14 тонн.

Среда, 28 июня. Температура держится около -30° [-35°C] при ясном небе. В полдень было необыкновенно светло. Даже через два часа после полудня я смог взобраться на Вал, пробираясь между его валунами. Отсутствие наших экскурсантов на мыс Крозье очень заметно. До их возвращения не будет лекций, поэтому мы зажили очень тихо.

Четверг, 29 июня. Ночью в доме было немного душно. Я не мог спать так же, как и многие другие. Температура доходила всего до $+50^{\circ}$ [$+9^{\circ}\text{C}$], но я увидел, что выводная труба в печке была закрыта. Думаю, что хорошо было бы проветривать перед сном, но еще не совсем уяснил себе, как это сделать. Всю ночь было тихо. В 8 ч 30 м, когда я вышел из дому, тоже стояла тишина, а в 9 ч ветер вдруг поднялся до скорости 40 миль в час. В ту же минуту температура поднялась на 10° . Любопытно, что этот шквал налетел при ясном небе. Если ветер не упадет очень скоро, это поколеблет наши теории.

Через час ветер утих почти так же внезапно, как поднялся. Вслед за ним опустилась и температура, только несколько медленнее. Нельзя не удивляться такому явлению – этой волне сравнительно теплого воздуха, набежавшей среди безветрия и при ясном небе. Принесло и унесло ее как вихрем. Откуда и куда?

После завтрака обошел на лыжах айсберги. Прекрасная дорога и довольно хорошее освещение.

Мы теперь, преодолев множество затруднений, получаем хорошие записи при помощи аппарата для измерения силы прилива. Дэй посвятил много времени изучению этого вопроса и, после длительной работы над ним, хорошо овладел его основами. Мы привезли самозаписывающий прибор из Новой Зеландии, но он был передан Кэмпбелу. Соорудить новый для нашего собственного пользования оказалось нелегкой задачей. Провод, выходящий из нижнего груза, протягивается сквозь трубку, наполненную парафином, так же как в дни, когда мы были на «Дискавери», и удерживается противовесом, будучи предварительно пропущен через блок на столбе, установленный на высоте 6 футов над уровнем льдины.

В своем первом приборе Дэй обматывал провод вокруг блока, обороты которого приводили в движение перо на регистрирующем барабане. Это было бы удачным решением задачи, если бы не было так трудно добиться хорошей механической связи между регистратором и блоком. В результате скольжения запись получалась неудовлетворительная, и приспособление пришлось забраковать. Тогда регистрирующий прибор соединили с широким рычагом, который, в свою очередь, приводился в движение проводом. Этим приспособлением мы пользуемся до сих пор. Сколько, однако, дней и даже недель прошло в попытках преодолеть трудности, возникавшие при установке соответствия между силой прилива и показаниями регистрирующего барабана! Затем, когда все как будто шло гладко, мы обнаружили, что льдина не меняет положения вместе с водой, она была как бы припаяна к береговому льду. В тот момент, когда мы обсуждали вопрос о перенесении прибора на более отдаленное место, между ним и берегом появилась новая трещина и на этом «шарнире» льдина может двигаться как будто более свободно.

Пятница, 30 июня. Температура все падает; сегодня -39° [$-39,5^{\circ}\text{C}$].

Дэй смастерил прибор для измерения течения. Прибор совсем прост. Он уже испытал его неподалеку от мыса. Нет сомнения, однако, что движение воды между островами носит неравномерный, изменчивый характер. Мне бы очень хотелось провести наблюдения, которые указали бы на наличие движения воды в проливе. Сегодня я отправился с Дзем, чтобы найти трещину, которая, по моим предположениям, должна простираться к северу от Неприступного острова. Мы нашли ее, пройдя 2 или 2,5 мили. Для работ подобного рода идеальное место – это трещина в ледяном покрове. Она непременно открывается, и поэтому окаймлена тонким льдом. Я думаю, что проба бутылкой даст такие же хорошие результаты, как и аппарат Дзя, по крайней мере, манипулировать ею будет гораздо удобнее. Дэй пред-

полагает теперь усовершенствовать свой следующий прибор и ввести в бутылку электрическую лампочку.

Те из наших собак, которые гуляют на свободе, напали на тюленя; другого мы нашли мертвого, очевидно затравленного довольно давно. Оказывается, Дмитрий дальше к северу видел несколько тюленей. Мирз сегодня убил одного большого, кроме того, которого собаки затравили утром.

Хорошо, что есть поблизости тюлени, но досадно, что собаки открыли их залежку.

Очень приятно, что хорошая погода так долго держится.

Суббота, 1 июля. Мы изобрели новые сапоги к лыжам, и, кажется, они будут удачны. Я считаю, что необходимо по мере возможности придерживаться в принципе хюитфельтовских креплений к лыжам. На Барьере приходится носить меховые сапоги, а для меховых сапог необходимо только свободное крепление. Для этого мы взяли с собой крепления «Финон», состоящие из ремней для крепления носка и каблука. С таким приспособлением на ногах человек не может как следует управлять своими лыжами и находится под угрозой растяжения сухожилий. Учитывая последнее обстоятельство, многие решили отправиться прикрепив свои лыжи только одним ремнем. Мы уже делали так во время экспедиции на «Дискавери». Между прочим, мне пришла мысль использовать на соответствующем сапоге железную крестообразную полоску и охватывающий пятку ремень Хюитфелта. Эдгар Эванс отличился по сапожной части – он только что окончил пару почти удовлетворительную.

Подметки состоят из двух прослоек тюленьей кожи, пропитанной квасцами и укрепленных у ноги дощечкой венестры. На месте каблука – деревянная колодка. Верхняя часть достаточно широка, чтобы вставить в нее меховой сапог, и укрепляется всего лишь одним ремнем. Башмак весит 13 унций – против 2 фунтов, которые весит каждый пьекс. Таким образом, башмак и меховой сапог вместе весят меньше, чем один пьекс.

Если нам удастся усовершенствовать это приспособление, то для нас оно окажется необычайно полезным.

Райт в своей пещере подвешивал маятник. Много хлопот потребовалось для того, чтобы засекал время. Разрешению этой проблемы чрезвычайно помогла телефонная связь, проведенная между пещерой и домом. Хронометр установлен идеально. Райт говорит, что его ледяная площадка оказалась в пять раз прочнее фундаментальной каменной кладки Потсдама. Единственное затруднение – низкая температура, замораживающая испарения от его дыхания на стеклянном окне защитного купола. Я уверен, что результаты испытаний, проводимых для определения силы тяжести, окажутся прекрасными.

Температура весь день держалась около -30° [-35°C] без ветра и при ясном небе. К вечеру поднялся ветер и сразу достиг скорости 25 миль в час. Температура же осталась на -32° [-36°C]. На дворе нельзя сказать, чтобы было приятно!

Воскресенье, 2 июля. Ночью был ветер, но к утру опять совершенно стихло. Температура, как обычно, около -35° [-37°C]. Луна снова взошла; первая четверть ее показалась из-за Эребуса около 5 ч пополудни. Она перейдет меридиан, к сожалению, ночью, но такие дни приятны и при низкой луне. Отрадно, что для наших товарищей, отправившихся к мысу Крозье, выдалось такое спокойное время.

Понедельник, 3 июля. Опять тихий день, но небо какое-то подозрительное. Тонкие слоистые облака то образуются, то расходятся. Такие же облака вьются над Эребусом. Возможно, что на мысе Крозье ветер.

Люди ушли далеко на ледяное поле. Весело смотреть на огоньки, светящиеся у какой-нибудь проруби или полыньи, слушать далекие звучные голоса или шуршанье лыж.

Вторник, 4 июля. Пурга и приключения.

Вчера к ночи поднялся ветер; температура хотя и поднялась на несколько градусов, но не настолько, сколько следовало бы при таком ветре. Сегодня до полудня ветер дул со скоростью 40–45 миль в час при температуре -25 – -28° [-32 – -33°C]. Не такая, казалось бы, погода, чтобы выходить из дому.

После полудня ветер слегка утих. Тэйлор и Аткинсон ходили на Вал посмотреть защищенный термометр. После того два удалыца, Аткинсон и Гран, без моего ведома решили отправиться на ледяное поле посмотреть термометры «Арчибальд» и «Кларенс», поставленные в Северной и Южной бухтах. Было 5 ч 30 м. Гран вернулся к обеду в 6 ч 45 м. Я только позже узнал, что он удалился от берега не более как на 200–300 ярдов, но пробыл целый час.

Отсутствие Аткинсона осталось незамеченным почти до конца обеда, т. е. до 7 ч 15 м. Я слышал, что ветер утих еще в начале обеда и пошел слабый снег, но кругом все еще стоит густая тьма.

Несмотря на некоторую досаду, серьезного опасения у меня пока не возникало. Все же, по мере того как люди выходили из дома, я разослал их в разные стороны на небольшие расстояния, приказав кричать и показывать фонари. Кроме того, на Флюгерном холме я велел зажечь керосиновый факел. Эдгар Эванс, Крин и Кэохэйн отправились с фонарем в северном направлении.

Пока происходили эти безрезультатные поиски, с юга опять поднялся ветер, но не особенно сильный. Небо стало проясняться, луна пробивалась сквозь застилавшие ее облака. С таким путеводителем мы ежеминутно ожидали возвращения нашего странника. Затянувшееся отсутствие Аткинсона пугало нас не на шутку. В 9 ч 30 м Эванс с товарищами вернулись без Аткинсона. Теперь уже нельзя было отрицать возможности несчастья. Около 10 ч мы организовали несколько спасательных отрядов, получивших подробнейшие наставления. Оказывается, Аткинсон был сравнительно легко одет и, что всего хуже, ушел в кожаных пьексах. Хорошо, что на нем была хоть защитная одежда.

Первым отправился Э. Эванс. С ним пошли Крин, Кэохэйн и Дмитрий с легкими саями, спальным мешком и фляжкой коньяку. Эвансу было приказано обыскать бухту, расположенную между мысом и ледником Барни. Затем они должны были повернуть к востоку и вдоль открытой трещины следовать до Непрístupного острова. Эванс (лейтенант) с Нельсоном, Фордом и Хупером, экипированные подобным же образом, вышли вскоре после них и должны были идти вдоль берега Южной бухты. Затем им следовало повернуть к острову Острого хребта и обыскать его. За ними направились к айсбергам Райт, Гран и Лэшли, чтобы досконально там все осмотреть и уже оттуда, описав круг, прибыть на Непрístupный остров и искать там. После ухода этих партий Мирз и Дэбенхэм отправились с фонарями обыскивать наш мыс. Симпсон и Отс пошли по прямой линии через северную льдину к термометру «Арчибальд», в то время как Понтинг и Тэйлор еще раз осмотрели образованную проливом трещину, расположенную в направлении глетчера Барни, а Дэй то и дело ходил на Флюгерный холм и через определенные промежутки времени зажигал на его вершине пучки пропитанной керосином пакли. И наконец, я и Клиссолд остались в доме. С каждым часом я все больше и больше тревожился.

Я не постигал, почему вполне здоровый человек в такую погоду и в такой одежде не мог вернуться или в худшем случае укрыться где-нибудь.

Аткинсон собирался уйти не дальше как на милю, а уже было 10 ч 30 м. Прошло всего пять часов с момента его ухода. К какому заключению можно было прийти? И все-таки я никак не мог себе представить, чтобы на открытом льду, где не было ничего опаснее неглубокой трещины или крутого сугроба, с ним случилось какое-нибудь несчастье. Я все же надеялся, что будет обыскано каждое место, где только могла случиться авария.

11 часов. 11 ч 30 м. Уже шесть часов, как он ушел! Наконец, в 11 ч 45 м слышу голоса, и, к великой моей радости, Мирз и Дэбенхэм вводят странника. У Аткинсона сильно обморожена рука, лицо также, но меньше. Как обычно бывает в подобных случаях, он сильно растерялся, а впрочем, совершенно здоров.

Насколько можно было понять из довольно несвязного рассказа Аткинсона, он прошел не более четверти мили по направлению к защищенному термометру и решил вернуться. Сначала он попробовал идти так, чтобы ветер дул немного в сторону от первоначально соблюдаемого им направления. Немного погодя он наткнулся на старую прорубь для рыбной ловли, находившуюся, как ему было известно, в 200 метрах от мыса. Аткинсон прошел эти 200 метров, как ему казалось, в правильном направлении, но до дома не дошел. А между тем, если бы он тогда повернул на восток, то наткнулся бы на берег поблизости от дома. То, что Аткинсон этого не сделал, а пошел прямо, показывает, в каком он находился замешательстве. Не подлежит сомнению, что человек в пургу должен не только поддерживать кровообращение в своих членах, но и бороться против онемения мозга и отупения рассудка, грозящих роковыми последствиями.

В самом деле, Аткинсон не имеет особенно ясного представления о том, что с ним было после того, как он не нашел мыса. Он, как видно, бесцельно бродил, пока не набрел на островок, обошел его вокруг. Аткинсон говорит, что он ничего не видел на два шага перед собой, часто попадал в трещины. Под прикрытием каких-то скал он остановился. Тут он обморозил руку из-за того, что долго не мог надеть снятую и обмерзлую рукавицу. Однако он все же натянул ее и стал копать яму, чтобы в ней засесть и ждать. Увидев кусочек луны, Аткинсон отошел от острова. Вскоре он потерял луну из виду и хотел вернуться обратно, но острова не нашел. Наконец, он набрел на другой остров, а может быть, и на тот же самый. Здесь он опять дождался луны и составил себе по ней приблизительный курс, как вдруг увидел вспышки на мысе, и быстро пошел в направлении огня. Аткинсон говорит, что кричал кому-то находившемуся близко, на мысе, и очень удивился, не получив ответа.

Рассказ совсем бестолковый. Слушая Аткинсона, я думал, что он был на волосок от гибели и что если бы продлилась пурга, он едва ли спасся бы. В долгие часы ожидания меня особенно мучила мысль, что после краткого затишья пурга могла возобновиться.

2 ч утра. Все вернулись домой. К счастью, все разрешилось благополучно, но нам больше не надо таких бесполезных эскапад. Нельзя, однако, отрицать, что такое приключение лучше всех моих наставлений убедило наших зимовщиков в том, что с пургой шутить не годится.

Среда, 5 июля. У Аткинсона ужасная рука. На каждом пальце огромные пузыри. Сегодня вечером Понтинг сфотографировал его руку. Как я и ожидал, история Аткинсона в том виде, в каком она была записана вчера, нуждается в поправках частично благодаря некоторой несвязности его рассказа, а частично потому, что Аткинсон сам вновь обдумал и пересмотрел все обстоятельства.

По-видимому, сперва он напал на Непрístupный остров и отморозил себе руку еще до того, как дошел до него. Только подойдя к нему с подветренной стороны, он заметил, что отморозил руку. Немного подождав там, Аткинсон стал пробираться к западному краю, предполагая, что находится где-то недалеко от Вала. Затем, блуждая в снежном урагане, в попытках обойти неровности в припае он окончательно потерял остров, в то время как был, вероятно, всего в нескольких ярдах от него.

Находясь в этом затруднительном положении, Аткинсон все же не отступил от своего первоначального намерения идти против ветра, и можно объяснить лишь счастливой случайностью то обстоятельство, что позднее он напал на остров Палатки. Он обошел вокруг этого острова и в конце концов вырыл себе укрытие на его подветренной стороне, думая, что это Непрístupный остров. Когда появилась луна, он, так ему показалось, как следует

проверил направление и, когда отправился к дому, немало был удивлен, увидев, что Неприступный остров появился слева. Расстояние, которое он прошел от острова Палатки – от 4 до 5 миль, – частично объясняет его задержку на обратном пути. Все свидетельствует о том, что Аткинсон был на волосок от того, чтобы окончательно заблудиться.

Лошади с некоторых пор страдают мучительным раздражением кожи. Я был уверен, что причиной тому какой-нибудь паразит, хотя Отс винил корм.

Сегодня у Аткинсона под микроскопом оказалась крошечная вошь, снятая с шерсти одной из лошадей – Снэтчера. Мы надеемся, что раствор карболовой кислоты избавит бедных животных от этой напасти. Некоторые из лошадей стерли у себя клочки шерсти, что в этом климате весьма нежелательно. Надеюсь, что мы скоро одолеем беду.

День опять удивительный, с чудным лунным светом. Эребус красиво выдвигался из снежных облаков, словно невидимая рука с бесконечной осторожностью сдергивала с него полупрозрачный покров, выставляя во всей чистоте благородное очертание освещенной луной горы.

Четверг, 6 июля. Температура к ночи вдруг опустилась до -46° [-44°C]. И теперь еще -45° [-43°C] при довольно сильном южном ветре. Морозная погода.

Э. Эванс соорудил из тюленьей шкуры новую верхнюю обувь для ходьбы на лыжах. Лучшего, кажется, ничего не придумать.

Сегодня утром сделал короткую прогулку пешком и более продолжительную – на лыжах – во второй половине дня. В результате последнего снегопада дорога плохая. В настоящее время почему-то очень трудно засесть за работу, и я все откладываю заданные себе задачи.

В полдень, в день зимнего солнцестояния, солнце было на 11° ниже горизонта. Теперь оно поднялось не больше чем на один градус, а все-таки на северном небе появилась заметная краснота. Может быть, наступившие холода имеют к этому отношение.

Пятница, 7 июля. Температура ночью опустилась до 49° [-45°C]. Холоднее этого не было и навряд ли будет. Утром ясно и тихо. Температура -45° [-43°C]. После полудня с SE налетел ветер со скоростью 30 миль в час. Температура постепенно поднялась до -34° [-36°C] и на этом остановилась. Я испугался такой комбинации и отказался от прогулки.

Мех у собак становится довольно густым, да они вообще не жалуются. Лошадям тоже лучше, но я буду рад, когда они совсем избавятся от своих мучителей.

Сегодня был жертвою очень странного заблуждения.

На нашей маленькой печке поставлен железный цилиндр для таяния льда, снабжающий необходимой водой темную камеру и научные приборы. Этот железный сосуд, если не наполнен льдом, конечно, нагревается и обыкновенно бывает обвешан просушивающимися носками и рукавицами. Сегодня я дотронулся до этого сосуда и тотчас же отдернул руку, ощутив жар. Я несколько раз повторил опыт, и всякий раз ощущение жара было настолько сильное, что я даже предупредил своих товарищей об опасности обжечься.

Мирз же мне заметил на это, что сосуд только что набили льдом, и, приложив руку к цилиндру, добавил: «Но он же холодный!» Так это и было. Холодная, слегка влажная поверхность железа вызвала у меня ощущение сильного жара.

В этом наблюдении ничего нет нового. Очень часто замечалось, что при низких температурах прикосновение голый руки к металлической поверхности вызывало ощущение ожога. Тем не менее этот случай является интересным вариантом уже известного факта.

Рука причиняет Аткинсону большие страдания. Обморожение было глубже, чем я думал. К счастью, он начинает уже чувствовать свои пальцы, но чувствительность вернулась к ним лишь через сутки.

Понедельник, 10 июля. Был шторм, какого не запомню в этих краях, и еще далеко не кончился.

Ветер начался около полудня в пятницу и постепенно усиливался, пока в субботу не достиг средней скорости 60 миль в час; порывы же доходили до 70 миль в час. Такая сила ветра, хотя редкая, небеспримерна. Необычной чертой этого шторма является длительность такой низкой температуры. В пятницу вечером термометр показывал -39° [-39°C]. Всю субботу и большую часть воскресенья температура не поднималась выше -35° [-37°C]. Вчера вечером термометр показывал -20° [-29°C] с небольшим и сегодня, наконец, дополз до 0° [-18°C].

Нечего говорить, что никто далеко от дома не отходил. В ночь на воскресенье я был дежурным и мог выходить лишь на самое короткое время. Спирало дыхание. Десяти шагов, сделанных против ветра, было достаточно, чтобы обморозить себе лицо. Чтобы добраться до анемометра, надо было пройти до конца дома и подняться на лестницу. Дважды, исполняя это, я должен был, так сказать, грудью напирать на ветер и, нагнув голову и отвернув лицо, шатаясь, боком пробираться. В эти два дня ужасного ненастья мысли мои часто уносились на мыс Крозье к нашим путешественникам. Я только мог надеяться, что им удалось укрыться от бури.

Этот шторм их, наверно, не миновал. Одна надежда, что они успели своевременно устроить себе какое ни на есть убежище. Иногда я представлял себе, что они больше нас страдают от ветра, но трудно верилось, чтобы пингвины для своей колонии и высиживания яиц выбрали слишком уж открытое место.

Сегодня, когда температура стоит на 0° [-18°C], можно без большого неудобства переносить даже ветер, дующий со скоростью 50 миль в час. С нами, должно быть, происходит нечто вроде акклиматизации, потому что когда мы впервые прибыли в пролив Мак-Мурдо, то такой ветер, как сегодняшней, переносили бы, наверно, с трудом.

Вторник, 11 июля. Небывалая по упорству непогода. Температура поднялась до $+5^{\circ}$ [-15°C] и даже $+7^{\circ}$ [-14°C]; ветер держится скорости 40–50 миль в час. В воздухе стоит густой снег, а луна кажется расплывчатым пятном. Четвертый день длится шторм.

Если поразмыслить над количеством перемещающегося воздуха (около 4000 миль), то получишь представление о том, сколько же воздуха может перенести такая буря, и сможешь сделать вывод, что потенциально теплые верхние слои воздуха, изливающиеся в нашу полярную область, поступают из более умеренных источников.

Собаки повеселели от сравнительного тепла и резвятся.

Я ходил взад и вперед по нашему взморью и по окрестным скалистым пригоркам, и, несмотря на ветер, мне было очень тепло. В большом сугробе с подветренной стороны огромной каменной глыбы я вырыл себе яму и лег в нее. Ноги покрыл рыхлым снегом. В яме было так тепло, что можно бы отлично выспаться.

За зиму я с удовольствием наблюдал забавные ухищрения заведующих различными запасами. У них имеется множество тайничков, в которых припрятаны ценные предметы, для того чтобы о них никто не знал и не брал бы их, пока не представится настоящая необходимость. Каждый хранит что-нибудь про черный день. Так, например, Э. Эванс, если кто у него выпрашивает кусок парусины, сперва обязательно расспросит, на что и зачем нужно, и тогда уже признается, что у него, пожалуй, найдется небольшой кусочек, хотя у самого спрятаны целые рулоны этого материала.

Орудия, запасы металлов, кожи, ремни и десятки всяких иных предметов с такой же ревливой бережливостью охраняют Дэй, Лэшли, Отс и Мирз, а главный заведующий запасами Боуэрс доходит до того, что лицемерно оплакивает небывалые нехватки. Такая скредность – лучшая гарантия того, что серьезная нужда нас не застанет врасплох.

Среда, 12 июля. Сегодня всю ночь и весь день ветер бешеными порывами потрясал дом. Длинные клочковатые штормовые тучи неслись на небольшой высоте. Бледная, водянистая луна слабо виднелась сквозь застилавшие ее слоистые облака. Это призрачное освеще-

щение вместе с клочьями мчавшихся туч и крутящимся в воздухе снегом придавали пейзажу удивительно угрюмый, безотрадный характер. Анемометр на Флюгерном холме между 9 и 10 часами утра показал скорость ветра 68 миль в час, побив этим все рекорды. Температура, к счастью, доходит до $+5^{\circ}$ [-15° C], так что работать можно.

Четверг, 13 июля. Ветер продолжался всю ночь, с еще более яростными порывами. Один из таких порывов установил новый рекорд: анемометр показал 77 миль в час.

Снег так плотно прибит ветром, что только самые яростные порывы поднимают снежную пыль. Любопытно отметить, как природа устанавливает равновесие, одним злом вытесняя другое.

Вчера в течение часа после второго завтрака ветер как будто стал немного утихать, и лошади недолго погуляли. Я и сам вышел пройтись, упираясь против ветра, который чуть не сорвал с меня легкую верхнюю одежду, с диким хлопанием развевавшуюся вокруг меня. Когда, немного погодя, ветер опять усилился, мне стоило больших усилий добраться до дома.

И сегодня утром еще свирепствует шторм, но небо проясняется. Тучи собрались к югу, около вершины Эребуса. Луна, хотя и светит ярче, все еще какая-то водянистая, свидетельство того, что над нами еще повис тонкий слой паров.

Работа идет неустанная. Люди делают к лыжам сапоги нового образца и подошвы с шипами. Лейтенант Эванс вычерчивает планы Сухой долины и глетчера Кётлица. Физики все время работают. Мирз делает сбрую для собак. Отс освобождает лошадей от паразитов. Понтинг делает отпечатки со своих негативов. В науке нельзя прибегать к «дилетантским» методам, она требует ума, стимулируемого честолюбием или удовлетворением поставленных перед собой задач.

Наша самая любимая игра для вечернего развлечения – шахматы. Охотников так много нашлось, что не хватает наших двух досок.

Пятница, 14 июля. Стряслась беда, ужасно нас напугавшая. Да и теперь мы далеко еще не спокойны.

Вчера в полдень одна из лучших наших лошадей – Боунз вдруг перестала есть. Вскоре после того стало очевидно, что у нее сильные боли: несомненно, колики. Отс мне донес, но мы сначала не очень встревожились, вспомнив скорое выздоровление в таких же условиях другой лошади – Джимми. Больную отправили погулять с Крином. Я два раза проходил мимо них и уже думал, что все обойдется, но Крин мне после сказал, что ему с нею было много хлопот. Каждые несколько минут с бедняжкой делались жестокие схватки. Она сначала рвалась вперед, как бы силясь убежать от невидимого врага, потом старалась лечь. Крин с большим трудом удерживал ее на ногах, потому что лошадь эта сильная. По возвращении в конюшню ей стало хуже. Отс с Антоном терпеливо водили горячим мешком под ее брюхом. Она все старалась лечь. Отс, наконец, счел за лучшее позволить ей это. Она растянулась на полу и только время от времени вздрагивала, корчилась от боли, поднимала голову, даже порывалась подняться на ноги. Никогда до того я не представлял себе, как жалка лошадь в таком положении. Она не издает ни звука. Ее страдание выражается вздрагиванием и движениями головы, которую она обращает к людям, с несомненным выражением мольбы. Часы проходили, не принося облегчения. Нельзя было не признать, что лошадь серьезно больна. Отс дал ей пилюлю с опиумом, потом другую. Оставалось только ждать. Отс и Крин не отходили от пациентки. Я несколько раз навещал ее – перемены не было. К полуночи я сильно приуныл. Нам нельзя больше терять ни одной лошади; их без того осталось слишком мало. Одно из двух: или мы должны сохранить оставшихся в живых, или мы рискуем успехом всей экспедиции!

Все до сих пор шло так хорошо, что я стал забывать о своих опасениях, надеясь, что и дальше будет хорошо. Поэтому, когда к полуночи бедному Боунзу, который проболел целых 12 часов, лучше не стало, вся моя уверенность разлетелась.

Вскоре после полуночи мне донесли, что больная как будто успокоилась. В 2 ч 30 м я опять был в конюшне и нашел заметное улучшение. Лошадь все еще лежала на боку, вытянув шею, но спазмы прекратились. Глаза глядели спокойнее, и уши настораживались на шум. Пока я на нее смотрел, она вдруг подняла голову и без усилия встала на ноги. Затем, точно пробудившись от злого кошмара, начала приниматься к сену и к соседке. Через 3 минуты она выпила ведро воды и принялась за корм.

Сегодня в полдень случайно обнаружилась причина болезни, с указанием, что опасность не вся еще прошла. В стойле нашли небольшой ком полупереваренного, прокисшего сена, подернутый слизью и содержащий несколько маленьких ленточных глистов. Это бы еще ничего, но к этой массе пристала полоска внутренней слизистой оболочки кишки. Аткинсон полагает, что большой беды тут нет, если в течение недели-другой осторожно обращаться с кормом. Будем надеяться.

Между тем у нас было много споров относительно первых причин беды. Вероятнее всего, они заключаются в брожении сена, в недостаточном количестве воды, в слишком натопленной конюшне. Кроме того, лошадь могла простудиться в бурю, ее могло продусть, разгоряченную от прогулки. Все эти причины могли способствовать заболеванию. Едва ли можно приписать случаю, что захворали именно те две лошади, которые помещаются у конца конюшни ближе к печке. Отныне будем меньше топить, пробьем большой вентилятор и увеличим количество воды. Так или иначе, надеемся предотвратить подобную опасность в будущем.

Суббота, 15 июля. Утром был сильный ветер со снегом. Ветер и днем был резкий и холодный, но к вечеру совсем упал, и небо прояснилось. Ходил на Вал; лазал по скалам в своих новых башмаках из тюленьей шкуры и остался ими очень доволен. Отс считает, что у многих лошадей имеются глисты, и мы придумываем, какими бы средствами избавить от них лошадей.

Боунз чувствует себя хорошо, хотя он и не так резв, как до случившейся с ним неприятности. В конюшне установлен прекрасный большой вентилятор.

Не так-то легко успокоиться после тревожений, пережитых в четверг ночью. Положение уже слишком критическое.

Воскресенье, 16 июля. Сегодня утром опять маленькая тревога: еще у одной лошади случился такой же припадок, впрочем легкий. Она два раза ложилась, но через полчаса все прошло. Не понимаем, что бы такое могло их тревожить?

Обычный распорядок воскресного дня. День спокойный, если не считать редких порывов довольно сильного ветра. Нашим товарищам на мысе Крозье, наверно, приходится тяжело.

Понедельник, 17 июля. Погода все не устанавливается. Ветер налетает с большой силой и через час-другой замирает. Гонит облака. Луны в светлые часы суток не видно. Гулять не тянет.

Но всего девять дней отделяют нас теперь от «светлой жизни» и от того дня, когда мы снова сможем играть в футбол. Надеюсь, что мы к тому времени в состоянии будем играть.

Я по многим причинам рад, что скоро будет светло. Шторм и вызванное им бездействие дурно подействовали не только на лошадей. Понтингу не совсем по себе, его нервная натура не выносит такого зимнего прозябания. Аткинсон насилу уговорил его выходить на прогулки, затащив с собой на работу – копать ямы в снегу и делать проруби. Тэйлор тоже тяжел на подъем, вид у него нехороший. Когда же можно будет опять играть в футбол? Это

всех расшевелит. Возвращение дневного света должно излечить все недомогания, физические и умственные.

Вторник, 18 июля. Сегодня в полдень было ярко-алое небо и настолько светло, что видно дорогу.

Этот один светлый час доставляет огромное удовольствие, но для него требуется ясное небо, а оно-то составляет большую редкость. После полудня обошел айсберг с внешней стороны. Это все, что я мог сделать, чтобы поспеть за Снэтчером. Ходок он хороший.

Среда, 19 июля. Опять тихо и хорошо. Температура постепенно понизилась до -35° [-37°C]. Ходил к старой трещине к северу от Непроступного острова. Эванс и Нельсон еще до шторма оставили там сани с прибором для измерения глубины. Ход событий не совсем ясен, но создается впечатление, что буря пронеслась над трещиной, вздымая мелкие обломки тонкого льда, образовавшегося вслед за последним вскрытием льдов. Эти поднятые ветром частицы превратились в основное ядро тяжелых снежных сугробов, под тяжестью которых льдина погрузилась и вода начала заливать сани. Удивительно, что такое сложное явление вызывается столь простой, по-видимому, причиной. Эта трещина теперь смерзлась и, затянувшись, открыла другую, находящуюся гораздо ближе к нам, по направлению, кажется, к мысу Барни.

Мы заметили на небе странный вид светил, заходящих в северо-западном направлении. В дни зимнего солнцестояния наблюдаемая в том направлении луна была сильно искажена и окрашена в кровавый цвет. Ее можно было принять за пламя далекого костра, но никак не за луну. Вчера планета Венера, в таких же условиях, приняла вид японского фонаря или бортового красного фонаря на судне. В том и другом случае заметны были мигание и перемены света из темно-оранжевого цвета в багрово-красный, причем последний преобладал.

Четверг, 20 июля, и пятница, 21 июля. Записывать нечего. Лошади пока все здоровы. Все в хорошей форме, по крайней мере в настоящий момент. По утрам пьют много воды.

Суббота, 22 июля. Улучшению, как нам кажется, способствует лучшая вентиляция в конюшне, а также увеличенный рацион соли.

Сегодня у нас опять свирепая пурга. Ветер порывами достигал скорости до 72 миль в час. Нашим товарищам на мысе Крозье, должно быть, пришлось немало пережить. С радостью вспоминаю, что скоро будет светло.

Понедельник, 24 июля. Пурга продолжалась весь вчерашний день (воскресенье). Вечером ветер побил все рекорды, достигнув скорости до 82 миль в час. Флюгер нашего анемометра отчасти укрыт прибрежной возвышенностью; на открытой же горе, утверждает Симпсон, показатели анемометра на 20 процентов выше. Стало быть, при таких порывах ветер, не встречающий препятствий, достигает почти 100 миль в час, т. е. силы урагана. Сегодня Нельсон нашел свои сани перевернутыми вверх полозьями.

Во время моего ночного дежурства я мог заметить, как ветер быстро падал и, наконец, совсем утих. При температуре $+7^{\circ}$ [-14°C] атмосфера была почти удушливой. Температура и сегодня продержалась довольно высокая. Я ходил смотреть трещину, у которой неделю назад мерили глубину. Тогда она была шириной в несколько футов, подернутая тонким льдом; теперь края ее сошлись, выдвинув острую гряду торосов в 3–4 фута вышиной. Выдвинувшийся край льда имеет дюймов 18 в толщину, конечно, вследствие теплой погоды.

Вторник, 25-е, и среда, 26 июля. Эти дни записывать положительно нечего. Жизнь протекает спокойно и однообразно. Все здоровы. Никто не выказывает скуки или удрученности. Лошади, по-видимому, здоровы и бодр, как никогда; за двумя-тремя исключениями, то же можно сказать о собаках.

Свет быстро прибавляется. Сегодня (среда) в полдень было очень хорошо. Воздух совершенно прозрачный. Все очертания Западных гор проступают на горизонте, словно нарисованные очень нежной кистью.

Четверг, 27-е, и пятница, 28 июля. Тихо. Небо розовеет. Свет заметно прибывает. Никто из нас не хандрит, однако приближение светлых дней вызывает у всех истинно праздничный подъем духа.

Веселое настроение нашей компании никогда ничем не затмевалось. Дружеское, благодушное взаимное подтрунивание, установившееся с первых же дней, не прекращалось, как не ослабевал и вдохновляющий нас энтузиазм. И то и другое пережило утрюмые, трудные зимние дни, и с приближением весны воспрянуло со свежей силой. Если и бывали минуты пессимизма, когда, казалось, предвиделось ослабление этих добротоварищеских уз, то теперь таким опасениям нет места, как нет места и сомнению в том, что мы вносим в нашу работу единомыслие и готовность к взаимопомощи, небывалые в этой области труда. Такой дух должен помочь нам превозмочь все трудности. Это – доброе предзнаменование.

Суббота, 29-е, и воскресенье, 30 июля. Два спокойных дня, температура низкая – в пределах -30° [-35° C]. Только изредка налетает порыв ветра и дует несколько минут. Исчезла одна из наших лучших собак, Жулик. Боюсь, что его загрызли другие собаки и что мы его больше не увидим, а только найдем его окоченелый труп, когда станет светлее. Мирз не думает, чтобы собаки напали на Жулика, а полагает, что пес попал в какую-нибудь трещину или тюленью прорубь. Во всяком случае, по-видимому, придется примириться еще с одной утратой. Ужасно досадно.

Сегодня Гран по моей просьбе ходил на мыс Ройдса и даже дальше посмотреть, сколько открытой воды.

Насколько я понял, он прошел полпути до мыса Бэрд, пока дошел до тонкого льда. Лишь в 5–6 милях за мысом Ройдса лед все еще крепкий и покрыт нанесенным ветром снегом. Это – крайняя неожиданность. В первый год экспедиции на «Дискавери» лед непрерывно вскрывался позади Ледникового языка; во второй год нашего пребывания лед вскрылся у мыса Ройдса совсем ранней весной, едва ли даже не зимой. В год прибытия «Нимрода» лед за мысом Ройдса редко когда бывал крепким. Это тем более странно, что нынешней зимой наблюдались небывалые по силе ветры и зима была жестокая. Остается предполагать, что для нашей станции мы выбрали местность, особенно подверженную действию ветров. Но вместе с тем не верится, чтобы здесь было больше ветров, нежели на мысе Хижины.

Сегодня утром я гулял два часа. Удивительно приятно видеть неровности пути и любоваться знакомыми местами при нежно-фиолетовом освещении. В час пополудни северная сторона неба была багрового цвета.

Понедельник, 31 июля. Сегодня было пасмурно и света меньше, но месяц кончается, август уже принесет солнце.

Странно, что еще не видать наших путешественников с мыса Крозье. Они уже пять недель, как ушли.

Лошади начинают беситься. Чайнамен визжит и брыкается в стойле; Нобби не визжит, зато брыкается так усердно, что переломал часть своего стойла. Шум, учиняемый животными, по ночам очень беспокоит. Представляются всякие ужасы. Но когда дежурный входит в конюшню, лошади поглядывают на него такими сонными, ленивыми глазами, точно у них ничего подобного никогда не бывало и быть не могло.

Небо на севере сегодня удивительно красиво. Горизонт был чист, и обрывки слоистых облаков снизу освещались красным огнем. Симпсон предсказывает метель не дальше как через сутки. Интересно посмотреть, что будет.

Вторник, 1 августа. Месяц начался чудным днем. Утром я прошелся по всему нашему «имению» – по рытвинам, покрытым льдом или песком с землей. При этом я преследовал двоякую цель: думал, не найду ли останков бедного Жулика, – это мне не удалось, и затем хотел испытать наши новые подошвы с шипами. Ими я остался вполне доволен. Они обла-

дают всеми свойствами, желательными для ходьбы по гладким льдам: легкостью, теплотой, просторностью. К тому же они легко надеваются и снимаются.

Свет сегодня особенно хорош. Солнце непосредственно отражалось в одном неправильной формы с радужными отливами облаке. Явление необычайной красоты. Воздух был очень тих. Приятно было слышать, как наши люди где-то работали. В такие дни звуки голосов, шуршание лыж или стук ломов доносятся за две или три мили. Сегодня не раз слышались веселые голоса, песнями встречавшие весну и солнце.

Мне кажется, стоит упомянуть, что у нас в действии два телефона: по одному указывают время для Райта, работающего с телескопом; другой телефон поддерживает сообщение с Нельсоном, который находится у своей проруби в трех четвертях мили отсюда. Второй телефон изготовлен из одной неизолированной алюминиевой проволоки, с возвращением тока через землю. Это доказывает, что нам нетрудно будет наладить предполагаемую связь с домом на мысе Хижины.

Краткий отчет о зимней экскурсии

Среда, 2 августа. Наши экскурсанты, отправившиеся на мыс Крозье, возвратились вчера вечером. В течение пяти недель они перенесли невероятные невзгоды. Никогда я не видал таких измученных, можно сказать, истрепанных непогодой людей. Лица их были все в морщинах, скорее даже как бы в шрамах, глаза тусклые, руки побелели. Кожа на руках от постоянного холода и сырости была в каких-то складках, но следов обморожения немного. Очевидно, эта беда почти миновала их. Больше всего они страдали от недостатка сна. Сегодня наши путешественники, основательно выпавшись, уже выглядят совсем иными – более бодрыми.

Историю всего пережитого ими пусть расскажут они сами, я же могу лишь в общих чертах дать понятие главным образом о результатах испытания, которому они добровольно подвергли себя, и о пользе, извлеченной из всего испытанного ими для нашего будущего дела.

Уилсон очень похудел, но сегодня к нему в значительной степени вернулись его обычная живость и бодрость. Боуэрс совсем прежний. У Черри-Гаррарда лицо слегка одутловатое и вид все еще истомленный. Ясно, что он вытерпел больше всех, хотя при этом, как говорит Уилсон, ни на минуту не падал духом. Лучшее всех выдержал испытание Боуэрс. Я считаю его не только самым бесстрашным, но и самым выносливым из всех полярных путешественников. Больше из намеков, нежели из прямых заявлений, я вывел свои заключения об его неутомимой энергии и об удивительной физической силе, дающей ему возможность продолжать работу при условиях, положительно парализующих его товарищей. Уж подлинно, мал да удал.

Насколько я мог понять, события этого похода разворачивались приблизительно следующим образом.

Путешественники, каждый со своими 250 фунтами груза, дошли до Барьера на второй день. Здесь характер пути совершенно изменился, становился все хуже и хуже. Целый день люди выбивались из сил и прошли всего 4 мили. После этого они были вынуждены разделить груз и волочить его в два приема. Половинный груз казался им тяжелее, чем на морском льду все 250 фунтов. Между тем температура понижалась и в течение недели держалась около -60° [-50°C] и ниже того. В одну ночь температура упала до -71° [-56°C], на следующую ночь – до -77° [-60°C]. Хотя при таком поистине ужасающем холоде в воздухе было сравнительно тихо, однако временами налетал легкими порывами ветер и действие его было убийственное. Никогда еще человек из цивилизованного мира не бывал в подобных условиях, имея единственной защитой парусиновую палатку.

Мы сегодня пересмотрели все рекорды и убедились, что Амундсен во время своей экспедиции к Северному магнитному полюсу испытал в марте месяце температуру, доходившую даже до -79° [-62°C]. Но следует помнить, что с ним были эскимосы, которые каждую ночь строили ему ледяной дом. К тому же тогда было уже много дневного света, термометр Амундсена также, вероятно, не был защищен от излучения. Наконец, после пятидневного отсутствия Амундсен возвратился на свое судно.

Наши же товарищи были в отсутствии пять недель. Почти две недели им потребовалось на то, чтобы перейти самую холодную полосу, после чего они обошли мыс Маккея и вступили в обметаемую ветрами равнину. Пурга следовала за пургой. Небо было постоянно затянуто тучами, и люди с трудом пробирались при свете немного лучшем, чем полная темнота. Иногда они попадали на склоны вулкана Террор, забирая влево от своего пути. Иногда спускались в глубокие лощины справа, где острые ледяные гряды чередовались с трещинами и другими препятствиями. Добравшись до предгорья мыса Крозье, путешественники поднялись на 800 футов и здесь стали строить. Потребовалось три дня, чтобы соорудить каменные стены и из привезенной с собой парусины устроить кровлю. Только после этого люди смогли, наконец, заняться тем, для чего, собственно, пришли.

Сумрачный полуденный свет продолжался так недолго, что путешественники должны были выходить впотьмах, рискуя заблудиться на обратном пути, опять-таки в темноте. В первый день им потребовалось два часа только для того, чтобы дойти до ледяных гряд, и еще почти столько же, чтобы перелезть через них, связав себя веревкой. Наконец, они добрались до места, находившегося выше колонии пингвинов. Отсюда слышны были крики птиц, но путешественники долго не могли найти удобного спуска. Кое-как они возвратились в свою лачугу, когда и без того плохой свет совсем померк.

На другой день путешественники отправились вновь, петляя меж неприступных ледяных заграждений под высокими, местами грозно нависшими базальтовыми скалами. В одном месте им пришлось проползти сквозь узкий туннель, точно пробитый во льду. До морского льда путешественники добрались, когда уже темнело. Им пришлось поспешить. Поэтому вместо 2000–3000 птиц, насчитывавшихся здесь во время стоянки судна «Дискавери», они обнаружили всего лишь около сотни. Трех пингвинов убили и наскоро содрали с них шкурки, чтобы запастись жиром для печки, и побежали в лагерь. Из полдюжины яиц годными оказались только три. Возможно, пингины покидают эту местность, но вероятно также, что им не наступило время и позже они соберутся в полном составе. Когда собранные яйца будут изучены, этот вопрос должен проясниться.

Уилсон отметил еще одну деталь, свидетельствующую о том, как силен у пингвинов инстинкт продолжения рода. Он и Боуэрс, когда искали яйца, наткнулись на округленные льдинки, которые эти смешные создания нежно лелеяли.

Но продолжим описание мытарств наших путешественников. Не успели они сойти с крутых гряд, как совершенно стемнело. Счастье их, что не сбились с пути и вернулись в свой лагерь.

В эту ночь началась пурга, усиливавшаяся с каждой минутой. Путешественники убедились, что выбранное ими место для стоянки – самое неподходящее. Было бы гораздо лучше, если бы они устроились на открытом месте. Северный ветер, вместо того чтобы ударять им прямо в лицо, здесь отклонялся в сторону и сбоку налетал яростным крутящимся вихрем. Положенные на крышу тяжелые массы снега с камнями сносило ветром, парусина вздувалась, натягивая до предела укреплявшие ее веревки, каждую минуту угрожая сорваться и улететь. Палатку с разными ценными предметами пришлось припереть к самой стене, расставить ее пошире. Путешественники тщательно укрепили ее, обложив со всех сторон снегом и большими камнями. Но бешеный порыв ветра сорвал ее и унес.

Сидя в лагере, люди ожидали, что крышу вот-вот снесет, не зная, что в таком случае придется делать. Чтобы уберечься от этого, они старались изо всех сил прочнее укрепить ее. Через четырнадцать часов крышу таки снесло ураганом, в тот самый момент, когда путешественники пытались приколотить один угол. Их разом завалило снегом, и они, задыхаясь, нырнули в свои спальные мешки. Немного погодя Боуэрс высунул голову и по возможности нормальным тоном сказал: «Мне отлично». – «Нам тоже», – откликнулись другие.

После того все молча пролежали ночь и половину следующего дня. Между тем ветер завывал не унимаясь. Снег проникал во все щели мешков. Лежавшие в них дрожали, не представляя себе, чем это кончится.

[Это был тот самый шторм (23 июля), во время которого мы отметили максимальную силу ветра. По-видимому, там, на мысе Крозье, он достиг еще большей силы, чем у нас.]

В следующий день к полудню ветер стал спадать, и несчастные путники выползли из своих обледенелых гнезд. Первым делом они кое-как закрепили покрывку и затопили печку. В первый раз за двое суток люди поели и стали придумывать, как бы построить более надежное убежище. Решили, что каждую ночь следует поглубже рыть яму и как можно лучше прикрывать ее половиком. На этот раз путешественникам повезло: в четверти мили к северу они напали на лежавшую между камнями палатку. К их удивлению, палатка была почти совсем целой, что свидетельствовало о необычайной доброте материала.

На другой день Уилсон с товарищами пустились в обратный путь, но тут нагрянула новая пурга и продержала их двое суток. К этому времени все вещи путешественников пришли в неопишное состояние. Спальные мешки так замерзли и затвердели, что их невозможно было не только скатывать, но даже мало-мальски согнуть, не ломая кожи. Пуховая подкладка в оленьих мешках Уилсона и Черри-Гаррарда едва затыкала изнутри такие трещины. Все носки, меховые сапоги и меховые рукавицы давно покрылись слоем льда. На ночь путешественники клали их в боковые карманы, но они не то чтобы сохли, но даже не оттаивали. Черри-Гаррарду иногда требовалось три четверти часа, чтобы влезть в свой мешок, который так сплюснулся, смерзся, что без большого труда его невозможно было раскрыть.

Невозможно себе представить ужасное положение злополучных путников, когда они брели домой через Барьер при температуре, упорно державшейся ниже -60° [-50° C]. Но они все-таки добрались сперва до мыса Хижины, а на следующую ночь и до дома.

Уилсон огорчен, что ему мало удалось наблюдать пингвинов. Для меня же и всех оставшихся на зимовке полезно представить в своем воображении картину этого предприятия – одного из удивительнейших подвигов в истории полярных стран. Люди не убоялись ужасов полярной ночи, не убоялись сразиться с невообразимыми морозами и свирепейшими снежными бурями. В этом факте заключается нечто новое. В течение пяти недель упорствовали люди и выдержали. Это ль не героизм? Поход к мысу Крозье обогатил наше поколение таким сказанием, которое, нужно надеяться, никогда не забудется.

Притом результаты этого похода далеко не ничтожны. Мы отныне будем знать, когда и при каких условиях кладет яйца такая замечательная птица, как императорский пингвин. Даже если наши сведения останутся неполными по части ее эмбриологии, мы обязаны нашим товарищам знанием метеорологических условий, существующих зимой на Великом ледяном барьере. До сих пор мы только имели некоторое представление о суровости этих мест; теперь же имеем доказательства. На климатологию пролива Мак-Мурдо пролит яркий свет.

Результаты экспериментов по части диеты и экипировки, сделанных во время похода с саними на мыс Крозье

Несколько пунктов, интересовавших нас в связи с предстоящей экспедицией к полюсу, выяснены удовлетворительно. Наши товарищи, отправляясь в поход, поставили себе зада-

чей испытать разные пищевые рационы. Они взяли с собой только пеммикан, коровье масло, сухари и чай. В первые же дни они нашли, что Уилсон слишком налег на жир, а Черри-Гаррард – на сухари, и установили золотую середину, оказавшуюся равно удовлетворительной для всех. Была предложена только одна перемена – прибавить за ужином какао. Наши товарищи решили удовольствоваться горячей водой, полагая, что чай отнимет у них последнюю надежду на сон.

Относительно спальных мешков можно сказать так: внутренний мешок из гагачьего пуха, пожалуй, полезен некоторое время весной, но он скоро леденеет, вследствие чего значительно увеличивается его вес.

Боуэрс один только не пользовался все время мешком из гагачьего пуха. За время путешествия он каким-то непостижимым образом умудрился вывернуть и вытрясти свой спальный мешок из оленьей шкуры два или три раза.

Вот таблица, из которой становится ясно, какова разница в весе спальных мешков до и после этой операции:

Тип спального мешка	Первоначальный вес, фунты	Вес по возвращении, фунты
Уилсона, из оленьей шкуры и гагачьего пуха	17	40
Боуэрса, из одной оленьей шкуры	17	33
Черри-Гаррарда, из оленьей шкуры и гагачьего пуха	18	45

Это дает некоторое понятие о том, сколько мешок набирает льда.

Двойной палаткой остались очень довольны. Обычный вес ее 35 фунтов, а по возвращении достиг 60 фунтов. Лед по большей части скапливается на внутренней палатке.

Подошвы с шипами все хвалят, кроме Боуэрса, у него какая-то странная привязанность к прежней обуви. Мы улучшили множество деталей одежды, рукавиц и обуви, но устранить затруднения, возникающие в связи с ношением этих предметов в жестокие холода, по-прежнему невозможно. Все, что может изречь по этому поводу Уилсон, сводится к тому, что «экипировка превосходна, превосходна». Я уверен, что, насколько опыт мог нас научить, мы близки к совершенству. Пожалуй, только меховое одеяние эскимосов превосходит наше. Но об этом можно затеять лишь академический спор, так как испытать его сейчас немислимо.

Во всяком же случае мы можем утверждать, что наша система одеяния выдержала гораздо более серьезное испытание, чем какая-либо другая, включая мех.

Результат путешествия: Уилсон потерял 3S фунта, Боуэрс – 2S фунта, Черри-Гаррард – 1 фунт.

Глава XIII

Возвращение солнца

Четверг, 3 августа. У нас так долго держалась хорошая ясная погода при не особенно низких температурах, что мы едва ли вправе роптать на перемену, которую нашли, проснувшись сегодня утром. Слоистые облака широким покровом застлали небо, а ветер налетел знакомыми порывами, предвещающими шторм. Сила ветра весь день медленно возрастала. Температура воздуха поднималась вплоть до -15° [-26°C], но снега пока еще нет. Пары, закрывавшие Эребус утром, уносило к NW. Сейчас гора опять скрылась.

Наши ожидания так часто не сбывались, что мы признаем себя положительно неспособными предсказать погоду. Поэтому-то не решаемся предсказать метель, даже ввиду такого беспокойства в природе. Не менее обманчива записка, врученная Симпсону профессором Сиднейского университета Дэвидом, сопровождавшим Шеклтона в качестве геолога. Записка содержит описание явлений, предвещающих бури, вместе с объяснением причин и действий здешних пург. Ни разу не случилось ничего такого, что бы подтверждало его наблюдения. Мало того, наши наблюдения много раз противоречили им. По правде сказать, ни одной буре не предшествовали одни и те же явления. Это – факт.

Низкая температура, испытанная нашими товарищами на Барьере, естественно, заставила нас задуматься о положении Амундсена и его норвежцев. Если и у них термометры постоянно показывают температуру ниже -60° , то норвежцы переживут страшную зиму. Трудно поверить, чтобы у них собаки не передохли. Я бы очень тревожился, если б Кэмпбелл был там.

Суббота, 5 августа. Небо все такое же бурное, но изменений в погоде пока нет. Сегодня выпало довольно много легкого снега. Свежий северный ветер гонит его, и получается очень странный, но красивый эффект на севере. Окрашенные ярким пурпуром сумерки как бы просвечиваются сквозь дымку.

Путешественники, возвратившиеся с мыса Крозье, насмешили нас, рассказав про случай с Боуэрсом. На обратном пути он нашел унесенную ветром палатку, устроил из нее нечто вроде чехла, укрепив ее вокруг себя и своего спального мешка. При этом Боуэрс объявил, что если теперь ветер и унесет палатку, то пусть уносит заодно и его.

Возобновились лекции. Вчера Симпсон прочел нам прекрасную лекцию по общей метеорологии. С помощью таблиц он показал разницу силы солнечных лучей в полярной и экваториальной областях. Выходит, что при разнице в 80° по широте солнце дает тепла приблизительно всего лишь на 22 % меньше, чем на любой точке экватора. Опять-таки с помощью таблиц Симпсон сделал сравнение температур воздуха на разных широтах. Если судить по этим таблицам, лето у Южного полюса на 15° холоднее, нежели у Северного; зато зима на 3° теплее, чем у Северного полюса. Другое дело, конечно, если зимовать на самом Барьере. Не думаю, чтобы Амундсен уступил эти 3° !

От обсуждения вопроса о температурах наш лектор перешел к давлениям и возрастающему градиенту в условиях высоких южных широт, как это показали результаты экспедиции на «Дискавери». Это, безусловно, базируется на теории, согласно которой антициклон возникает в районе Южного полюса. Обсуждались также теории Локкиерса – они подтверждаются множеством фактов. Западные ветры бурной части Атлантического океана являются якобы циклонами, следующими один за другим. По гипотезе Локкиерса, восемь или десять циклонов беспрестанно вращаются, двигаясь со скоростью 10° долготы в день. Локкиерс представляет себе при этом, что они простираются от 40-й параллели за пределы 60-й, вызывая, таким образом, сильные западные ветры в бурной части Атлантического океана

и восточные и южные – на 60 и 70°. За 70° обычно возникает неравномерное проникновение холодного воздуха из полярного района с восточным компонентом, характерным для состояния антициклона.

Симпсон разработал новую теорию этого явления. Он предполагает, что поверхностный слой воздуха быстро охлаждается над территориями континента и Барьера и что край этого холодного района охвачен теплым воздухом южных границ локкиеровских циклонов. В результате устанавливается состояние неустойчивого равновесия, которое очень легко может перейти в движение. Поскольку, как мы обнаружили, массы холодного воздуха разных температур смешиваются с величайшим трудом, данное положение нельзя облегчить каким-либо последовательным процессом. Оно будет сохраняться до тех пор, пока поток не освободится в результате какой-либо другой, менее значительной причины, и тогда, когда толчок уже дан, он вызывает огромную пертурбацию. Принято считать, что теплый воздух проходит по направлению к полюсу в высоких слоях, непрерывно от экватора. Это тот самый потенциально теплый воздух, который, смешавшись в результате пертурбации с холодным воздухом внутреннего слоя, придает такую высокую температуру нашим ветрам.

Такова эта теория. Ее, как и предшествующую ей, можно подвергнуть сомнению и оспорить, и, конечно, в результате наших работ с воздушным шаром или других наших наблюдений она будет опровергнута или изменена. Пока что, однако, совсем неплохо поддерживать мысль в состоянии деятельности подобного рода проблемами. Это прокладывает путь к прогрессу.

Воскресенье, 6 августа. Воскресный день проходит по установленному порядку. Пение духовных песен достигло у нас такого совершенства, что мы начинаем гордиться своим хором. В полном составе он звучит весьма солидно.

Утро было пасмурным. При бледном освещении и слабых тенях колорит такой, точно пейзаж замазан мелом. Все тускло и плоско.

После полудня небо прояснилось. Вставшая над Эребусом луна залила бледным золотом разбегавшиеся облака. Теперь, вечером, в воздухе стоят ледяные кристаллы и пары снова собираются в слоистые облака. Вот уже несколько времени, как правильно чередуются облачность и ясность неба. Приятную новость при этом представляет безветрие.

Аткинсон исследовал кровь всех ходивших на мыс Крозье и нашел в ней слабое увеличение кислотности, чего и следовало ожидать. Отрадно, что нет признака цинги. Если бы употребление консервов склоняло организм к этой болезни, то продолжительность и неблагоприятность данных условий должны были бы ее вызвать. Думаю, нам нечего страшиться цинги и в предстоящем дальнем походе к полюсу.

Несколько раз я беседовал с Уилсоном о их переживаниях во время экскурсии на мыс Крозье. Уилсон говорит, что больше всех страдал, несомненно, Черри-Гаррард, хотя он не только не жаловался, но все время старался помогать другим.

Кстати: мы оба пришли к заключению, что труднее приходится самым младшим по возрасту. Примером этому служит Гран, который моложе всех (ему 23 года), а теперь и Черри-Гаррард, 26 лет. Уилсон (39 лет) говорит, что он никогда так мало не страдал от холода, как во время этого похода. Видимо, самый лучший возраст для подобной работы – от 30 до 40 лет. Боуэрс, конечно, чудо; ему 29 лет. Перешедшим сороковой год жизни утешительно вспомнить, что Пири, когда он достиг полюса, было 52 года!!

Четверг, 10 августа. Почти нечего заносить в дневник, я занимался другими записями.

Погода эти дни стояла умеренно хорошая и по-прежнему совершенно непонятная. Ветер наблюдался как при ясном небе, так и при облачном. Во вторник подул довольно сильный ветер, но до шторма не дошел. Поднялся он без всяких предзнаменований, и все, что мы считали ими, оказалось вздором. Вернее всего, следует быть всегда готовым к ветру, но не ожидать его.

Свет быстро прибавляется. Дэй приделал к нашему окну еще одну раму, так что новый свет проникает в комнату сквозь тройные стекла. Теперь между рам собирается немного льда.

Лошади здоровы, но доставляют много хлопот. Все были покойны, а тут вдруг расшалились до невозможности. Чайнамен все еще брыкается и визжит по ночам. Антон уверяет, будто лошадь так делает, чтобы согреться. Возможно, это отчасти и верно.

Когда Чайнамен ест снег, он обыкновенно забирает его в рот слишком много и сразу глотает. Забавно смотреть на него в эту минуту. Видимо, от снега коню становится внутри холодно. Он переминается на всех четырех ногах, и выражение морды при этом у него обиженное, пресмешное. Но не успеет снег растаять, как Чайнамен принимается опять за прежнее. Другие лошади берут снег понемногу или дают большому комку растаять на языке. Это тоже вызывает забавную гримасу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.